

ТАЙНА,
ПОКРЫТАЯ
СТРАХОМ

*Дронго принадлежит
к особой категории
неисправимых
романтиков,
способных до
последнего вздоха
радоваться всему
прекрасному.*

Чингиз Абдуллаев

Фактор
страха

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Фактор страха

«PEN-клуб»

1999

Абдуллаев Ч. А.

Фактор страха / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1999 — (Дронго)

Три миллиона долларов – не иголка, без следа исчезнуть не могут. Он и есть этот след – убитые, обманутые люди. А после того, как погиб полковник Кочневский, следствие окончательно зашло в тупик. Политики и бандиты, бизнесмены и авантюристы, чекисты и киллеры сбились с ног, разыскивая злополучные миллионы. Но эксперт аналитик Дронго умеет мыслить парадоксами. Он знает: длинная дорога – короче и не всякий мертв, кого похоронили...

© Абдуллаев Ч. А., 1999

© PEN-клуб, 1999

Содержание

Вместо вступления	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
Москва. 10 мая	7
Москва. 10 мая	10
Москва. 10 мая	14
Москва. 10 мая	18
Москва. 10 мая	21
Москва. 10 мая	25
Москва. 10 мая	30
Москва. 10 мая	33
Берлин. 10 мая	35
Москва. 10 мая	38
Москва. 10 мая	42
Москва. 10 мая	45
Москва. 10 мая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Чингиз Абдуллаев

Фактор страха

Ненависть – месть труса за испытанный им страх.
Бернард Шоу

Вместо вступления

Тревожный телефонный звонок ворвался в тишину квартиры. Он поднялся, покосился на жену и, пройдя в другую комнату, снял трубку.

– Здравствуй. – Он сразу узнал голос и невольно поежился, поняв, почему звонок раздался точно в половине третьего ночи.

– Что-нибудь случилось? – спросил шепотом.

– Случилось, – сообщил позвонивший, – они нашли Труфилова. Завтра он будет в Москве. Даст показания против тебя.

– Не может этого быть, – растерянно сказал он, – я послал лучших людей. Они не могли...

– Ничего не вышло, – перебил позвонивший, – у тебя осталось два часа времени. Если можешь, уходи. Или спрячься так, чтобы тебя не нашли.

– Куда уходить? Где прятаться? – тяжело дыша, проговорил он. – У меня жена, дети, внуки. Меня все равно найдут.

– Тогда сам знаешь, что делать. И не тяни, полковник. Утром может быть поздно. За ошибки надо платить, сам понимаешь.

– Понимаю, – сказал он с ненавистью, – все понимаю. Спасибо, что позвонил.

Последняя фраза прозвучала с явным сарказмом. Звонившему важно было предупредить полковника, чтобы в первую очередь спастись самому. И полковник презрительно бросил:

– Не беспокойся, я знаю, что делать.

– Тогда все. Прощай. – Звонивший отключил связь.

Полковник медленно положил трубку и опустился на стул, глядя прямо перед собой. Все кончено. Необходимо принять решение. Он взглянул на часы. Если все пройдет нормально, у него в запасе часа два или три. Значит, успеет. Обязан успеть. Полковник не привык долго думать и стал собираться. Быстро оделся, вошел в кабинет, положил в портфель важные документы, две пачки долларов отнес в спальню и оставил на комод. Затем подошел к жене, тихонько, чтобы не разбудить, поцеловал. Но она проснулась.

– Ты что? Куда собрался?

– Дела у меня, – через силу улыбнулся полковник, – надо съездить на дачу.

– Какую дачу? – не поняла она. – Три часа ночи.

– Я там бумаги важные оставил, – пояснил он, – не беспокойся. На даче и заночую. А утром поеду к стоматологу, зубы разболелись.

– Это так важно? – спросила она, снова засыпая.

– Очень важно. – Он посмотрел на нее, вышел из спальни, заглянул в детскую, долго смотрел на старшего внука. В комнату сына и невестки не зашел. В большой пятикомнатной квартире они с женой жили вместе с семьей сына.

Уже в прихожей, надевая плащ, вспомнил про пистолет, но в кабинет возвращаться не стал, отпер входную дверь и вышел из квартиры.

Через десять минут он уже сидел за рулем бежевой «Ауди».

Ровно через три часа на даче полковника Олега Кочиевского взорвался его автомобиль, стоявший рядом с домом, недалеко от ворот. Прибывшая следственная группа обнаружила в

салоне три канистры с бензином. Труп полковника обгорел до неузнаваемости. Его удалось идентифицировать только по расплавленным часам, чудом уцелевшей, только оплавившейся расческе, обгоревшей обуви и золотой коронке, опознанной стоматологом погибшего. Похороны состоялись пышные и многолюдные. Покойный возглавлял службу безопасности крупнейшей нефтяной компании страны. Все говорили о нем как о достойном человеке и прекрасном товарище. Никто не мог понять, что именно он делал в это роковое утро на даче и почему в его машине оказалось сразу три канистры с бензином. Впрочем, об этом почти не говорили. В конце концов, за городом всегда нужен бензин, пусть даже целых три канистры. А несчастные случаи бывают и на даче.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Москва. 10 мая

Его разбудил телефонный звонок, и он с досадой посмотрел на часы. Половина одиннадцатого. Все знают, что до одиннадцати-двенадцати он спит и тревожить его нельзя. Дронго нахмурился и повернулся на другой бок. Сработал автоответчик, предлагавший звонившему оставить сообщение. Зная, что уже не уснет, Дронго прислушался:

– Говорит Всеволод Борисович. Извините, Дронго, что беспокою вас в неурочное время. Понимаю, что всю ночь вы работали и теперь отдыхаете. Но дело не терпит отлагательств. Мне необходимо переговорить с вами.

Прослушав сообщение, Дронго открыл глаза. Романенко человек деликатный и не станет звонить по пустякам. Но что могло случиться с самого утра? Он поднялся с кровати, прошел к телефону. Разболелся левый глаз. Он бросил взгляд в зеркало. Так и есть. После бессонной ночи всегда краснели глаза, в них лопались сосуды. Дронго по ночам читал книги, газеты, выискивая нужные материалы в системе Интернета, знакомясь с интересующими его аналитическими обзорами.

Больше всего он любил книги. Чтение в Интернете казалось ему механическим и неинтересным, если даже там появлялись издания, которых не было в его библиотеке. А библиотека у Дронго была великолепная, множество книг он приобрел в девяностые годы, когда вышло в свет все, о чем только могли мечтать книжные «гурманы», он любил сам процесс общения с книгой, ее запах, хорошее полиграфическое исполнение, иллюстрации, часто знакомые с детства, например, Жана Гранвиля к «Робинзону Крузо» или «Приключениям Гулливера» или художника Брауна, вошедшего в мировую литературу под именем «Физа», к «Запискам Пиквикского клуба».

Но в последние годы на общение с книгами оставалось не так много времени, и порой он испытывал стыд оттого, что не может уделить им должного внимания. Чтение было для него не только эстетическим удовольствием. Во многих книгах, особенно в последнее время, он находил подтверждение своим мыслям, своим наблюдениям. Теперь, когда в его жизни появилась Джил, он делил свои привязанности между нею и любимыми книгами.

Он набрал нужный номер, и Романенко сразу снял трубку.

– Я ждал вашего звонка.

– Что-нибудь случилось с Труфиловым? – спросил Дронго с тяжелым вздохом. Несколько секунд Романенко молчал, ошеломленный его вопросом, потом выдал:

– Откуда вы знаете?

– Я ничего не знаю. Просто спрашиваю. Вы говорили, что десятого Труфилов улетает в Берлин на заседание суда для дачи свидетельских показаний. Самолет Аэрофлота вылетает в Берлин в одиннадцать двадцать пять. Рейс сто одиннадцать. Такие данные я держу в голове. Вы позвонили в половине одиннадцатого, зная, что в это время я обычно сплю. Значит, случилось нечто непредвиденное. Для вас, человека, увлеченного своей работой, самое важное сейчас – это показания Труфилова и выдача вашему ведомству Евгения Чиряева. Что случилось, Всеволод Борисович?

– Иногда мне кажется, вы ясновидящий, – пораженный, сказал Романенко, – в ваших логических построениях есть нечто дьявольское. Вам никто этого не говорил?

– Говорили. И не единожды. Но чаще меня проклинали преступники, против которых я обращал подобную логику. Так что же произошло?

– Труфилова убили, – сообщил Романенко.

На этот раз умолк Дронго.

– Вы меня слышите? – спросил встревоженный Всеволод Борисович.

– Слышу, – мрачно ответил Дронго, – выходит, все наши усилия по доставке его в Москву пошли прахом.

– Ума не приложу, как это произошло. Труфилова застрелили прямо в аэропорту. В зале для официальных делегаций, где его охраняли два офицера ФСБ. Один из них, кстати, тоже убит. Второй сейчас дает показания.

– Понятно, – очень расстроенный, пробормотал Дронго, – вся наша работа коту под хвост.

– Что? – не понял Романенко.

– Ничего. Значит, теперь все сначала?

– Не знаю, – признался Романенко, – впрочем, я не намерен больше вас беспокоить. Просто хотел сообщить о случившемся. Мы и так перед вами в долгу за вашу апрельскую поездку. Мы не вправе оплачивать вам отели, в которых вы останавливались. У нас строгий лимит на расходование командировочных средств. Тем более мы не можем оплачивать услуги частного эксперта, каковым вы являетесь. Извините, что все так произошло.

– Что вы намерены делать? – осведомился Дронго.

– Прежде всего постараюсь найти убийцу Труфилова и узнать, кто именно нас выдал. Двенадцатого надо быть в Берлине на заседании немецкого суда, рассматривающего нашу просьбу о выдаче арестованного Чиряева. Адвокаты, которых он нанял, не только не позволят выдать его нам, но постараются освободить от уголовного преследования, оправдав по всем статьям. Это будет нашим поражением, Дронго, но без Труфилова ничего нельзя доказать. Очень жаль, что так получилось.

– Нужно бороться, – упрямо сказал Дронго, – они не должны победить. Предъявите свидетельские показания Труфилова. Вы ведь наверняка их зафиксировали.

– Немецкий суд потребует предъявить им свидетеля, – возразил Романенко, – они не всегда доверяют нашим документам и показаниям наших свидетелей, полученным в Москве. На Западе считают, что у нас все еще применяются средневековые пытки для выбивания показаний, в том числе и свидетельских.

– В этом есть доля истины, – мягко заметил Дронго.

– Доля, может, и есть, – согласился Романенко, – но случаи эти исключительные, и по ним немедленно проводится служебное расследование. Вы же знаете, что в прокуратуре давно не прибегают к подобным методам. Иногда срываются офицеры милиции, но мы их за это строго наказываем. Впрочем, все это лирика. Спасибо вам, Дронго, за помощь.

– Вы позвонили только для того, чтобы сообщить мне о смерти Труфилова и поблагодарить за помощь? – резко спросил Дронго. – Или же думаете, что мне нравится проигрывать?

– Вы не проиграли, – возразил Романенко, – вы нашли Труфилова, то есть сделали все, что от вас требовалось. Не ваша вина, что мы не уберегли его от наемного убийцы...

– Я прямо сейчас еду к вам, – перебил его Дронго, – и хватит говорить о моих гонорах. Порядочные люди должны помогать друг другу. Вы можете оформить меня в вашу группу в качестве советника или эксперта. Высшее юридическое образование я имею. А деньги для меня не самое главное в жизни. Прежние гонорары не дадут умереть с голода. Так что не беспокойтесь. Итак, до скорого.

– В таком случае высылаю за вами машину, – сказал Романенко, – в аэропорту уже работают наши люди.

– Кто руководитель группы?

– Андрей Андреевич Соколов. Следователь по особо важным делам. Он уже там. Галина Сиренко тоже. Она все еще входит в мою бригаду. К нам прикомандировали нескольких офицеров милиции, если помните.

– Жду вас через пятнадцать минут, – бросил Дронго и добавил: – Если честно, вы ведь были уверены, что я поеду?

– Да, – чуть помедлив, ответил Романенко, – почти на все сто.

Дронго положил трубку. Последние слова Романенко его порадовали. И даже очень.

Москва. 10 мая

Все готово. Через сорок минут за ними заедет машина и они отправятся в аэропорт, где их уже ждут. Никто не должен знать, что они вылетают в Берлин. Обычный пассажирский самолет, совершающий рейс по маршруту Москва—Берлин, уже через два часа доставит их в столицу Германии. Если все пройдет благополучно, он выступит в германском суде двенадцатого мая и на следующий день вернется в Москву.

Он посмотрел на себя в зеркало. Ему было под сорок. Мешки под глазами, почти седые усы, отекающие ноги, выпирающий живот. Он вздохнул. Смотреть неприятно. Бывший офицер военной разведки Дмитрий Викторович Труфилов в свои сорок почти потерял форму: куда девалась его военная выправка, статная когда-то фигура? К тому же после контузии, полученной десять лет назад в Афганистане, у него постоянно болела голова и поднималось давление.

Бросил взгляд на кровать. Настя спала, чуть приоткрыв рот. Она всегда так спала, будто ей не хватало воздуха. Он осторожно сел на край постели. Так не хотелось уезжать, но ничего не поделаешь, приходится.

Собственно, это было главным условием сотрудников прокуратуры, расследующих хищения в нефтяных компаниях, с которыми Труфилов был связан. В бытность свою директором компании «ЛИК» он по договоренности передал контрольный пакет акций другим людям по смехотворной цене. К тому времени он уже знал, что нельзя отказываться от подобных сделок, когда к тебе обращаются с конкретным предложением. Таковы правила игры.

Все было ясно с самого начала. Его назначили генеральным директором компании с правом финансовой подписи исключительно для того, чтобы в конечном итоге он передал контрольный пакет акций другим людям. Все шло по плану. Самолет из Москвы не получил посадки в их городе. Радиogramмы не принимались, телефоны не работали. На аукционе был всего один покупатель, который и приобрел контрольный пакет. Оцененный независимыми аудиторами в тридцать миллионов долларов, он был продан за шесть.

Тогда Труфилову казалось, что он поступил правильно. Однажды ему позвонил бывший коллега, начальник службы безопасности крупнейшей нефтяной компании страны. Полковник Олег Кочиевский считался лучшим специалистом в военной разведке и занял довольно высокий пост в компании «Роснефтегаз». Именно ему был обязан Труфилов своим назначением в компанию «ЛИК». Они вместе два года тайком скупали акции, чтобы получить контрольный пакет. И когда Кочиевский позвонил, Труфилов доложил о том, что через подставных лиц компания «ЛИК» почти полностью приватизирована. Оставалось передать ее надежным людям. Кочиевский был немногословен.

– К тебе приедут нужные люди. Прими их и сделай все так, как они скажут.

Труфилов знал, что возражать опасно и глупо и нужно следовать заранее продуманному плану. Но неожиданно выяснилось, что один из местных руководителей собирается протестовать. Более того, этот чиновник, оказавшийся человеком честным, даже отправил рапорт в Москву, возражая против передачи прибыльной компании группе неизвестных людей. Что было потом, лучше не вспоминать. В городе появился уголовный авторитет Чиряев со своими людьми. На следующий день чиновник, отправивший рапорт в Москву, должен был встретиться с Труфиловым. У самого Труфилова оказалось железное алиби. Но честный чиновник еще до встречи с ним получил пять выстрелов в голову и навсегда потерял возможность отстаивать права своих избирателей.

На аукционе Чиряев сидел в первом ряду. Труфилову было противно смотреть на него. Все вроде бы прошло гладко. Контрольный пакет ушел по цене гораздо ниже номинала. Потом начались неприятности. Прокуратура приступила к расследованию убийства местного чиновника. Чередой потянулись проверки в нефтяных компаниях. Постепенно раскручивая клубок,

сотрудники прокуратуры, оказавшиеся дотошными и настойчивыми, сумели выйти на одного из главных организаторов сделки – заместителя министра Минтопэнерго Рашита Ахметова. После его ареста началась паника.

Через несколько дней был убит один из приближенных Ахметова – Силаков. Еще через несколько дней сбежал из Москвы Чиряев, который по чьей-то наводке был арестован в Берлине. Труфилов понял, что настал его черед. Несколько месяцев он скрывался у знакомых, но затем все-таки сбежал за рубеж с заранее купленным на чужую фамилию паспортом. В Париже он нашел Эжена Бланшо, с которым познакомился еще когда работал в Польше. Они тогда нашли общий язык, поставляя друг другу нужную информацию. Такая практика устраивала обоих.

Бланшо поселил Труфилова в предместье Парижа в Жосиньи. Казалось, все шло нормально. Но пятнадцатого апреля его все-таки вычислили. Тогда в Жосиньи приехали двое. Один болезненного вида, который беспрерывно кашлял, второй высокий, широкоплечий, в смешной старомодной шляпе. Он и рассказал Труфилову обо всем, что произошло в Москве, пока Труфилова там не было.

Сбежавшего Чиряева нужно было вернуть. Но полковник Кочиевский не мог допустить подобного развития событий. Он отправил в Европу специальную группу «наблюдателей», придав им в качестве проводника бывшего подполковника КГБ Эдгара Вейдеманиса, того самого болезненного вида мужчину, который явился к Труфилову. Группа имела конкретное задание: ликвидировать Дмитрия Труфилова. Попутно выяснилось, что все, кто мог знать или видеть Труфилова, уже были устранены. В том числе и его бывший связной в Голландии Рууд Кребберс и знакомый бизнесмен Игорь Ржевкин.

Приехавший умел убеждать. Труфилов умел просчитывать ходы. Надо возвратиться в Москву, думал он. И не только потому, что ему обещали полное прощение и нормальную жизнь при условии сотрудничества с органами прокуратуры и добровольной помощи следствию. Бывший офицер военной разведки понял, что это его единственный шанс на спасение. Раздобыть новый паспорт или уехать куда-нибудь из Парижа было нереально. А подставляться боевикам, которые будут его искать, Дмитрий Труфилов не хотел.

Все получилось так, как он и предполагал. Его показания фиксировались в уголовном деле. Руководитель группы сотрудников прокуратуры Всеволод Борисович Романенко выполнил все условия их негласного договора. Труфилову и его подруге выделили служебную квартиру. Единственным условием Романенко была абсолютная конспирация и запрет выходить из дома без надлежащей охраны. В прокуратуре делали все, чтобы Труфилов дожил до суда. Но на двенадцатое мая в Берлине было назначено слушание дела Евгения Чиряева, известного криминального авторитета по кличке Истребитель. И Труфилову впервые после своего возвращения в Москву пришлось покинуть столицу, чтобы дать показания в германском суде против Чиряева, который застрелил местного чиновника и оказывал давление на руководство компании «ЛИК».

Чиряев был главным свидетелем в возбужденном против заместителя министра уголовном деле, и прокуратура не без оснований рассчитывала на свидетельские показания Труфилова, которые вынудят берлинский суд изменить свою позицию и выдать преступника российской стороне. От свидетельских показаний Дмитрия Труфилова зависела не только судьба Чиряева, но и само расследование громкого уголовного дела, возбужденного прокуратурой еще в прошлом году. Труфилов вздохнул и направился в ванную. Через сорок минут за ним придут сотрудники ФСБ и увезут в аэропорт. В Берлине их встретят представители российского посольства. На обратном билете – открытая дата, сразу после выступления в суде Труфилова увезут в Москву. Он взял электробритву и подошел к зеркалу.

Бреясь, стал вспоминать последний разговор с Чиряевым. Они встретились в тюменском аэропорту. Чиряева, как обычно, сопровождали помощники и телохранители. Труфилов при-

ехал один и чувствовал себя словно на приеме у коронованной особы. Его провели в комнату, где ожидал своего рейса Чиряев. Тот пил кофе и, увидев Труфилова, резко отбросил журнал, который просматривал.

– Мы улетаем в Москву, – сообщил он, глядя на Труфилова с неприязнью, – позвони шефу и сообщи, что все прошло нормально.

– У меня нет шефа, – с некоторым вызовом ответил Труфилов. Бывшему офицеру военной разведки претило, что им командует бывший уголовник. Чиряев понял, усмехнулся.

– Ладно, не кипятись. Все вы какие-то обидчивые, отставники. Позвони в Москву и сообщи, что все нормально.

– Уже сообщил, – Труфилов понял, кого имеет в виду Чиряев, говоря шеф. Тот, кто устроил Дмитрия Труфилова в компанию «ЛИК», а Евгения Чиряева прислал в Тюмень, был не кто иной, как полковник Кочиевский, который и контролировал всю сделку. Оба хорошо понимали, что Кочиевский действует по чьей-то указке, отставной полковник только связующее звено между ними и руководителем, предпочитавшим оставаться в тени.

Чиряеву было легче. Он не зависел от Кочиевского, работал на определенных договорных условиях и получал определенную плату. Труфилову было сложнее. Когда-то они с Кочиевским вместе работали, и Труфилов был обязан полковнику не только своей карьерой, но и всей своей жизнью.

– Про вашего местного придурка тоже сообщил? – с улыбкой спросил Чиряев. – Говорят, его убитым нашли.

Он имел в виду заартачившегося местного чиновника, люди Чиряева всадили в него пять пуль. Это был настоящий вызов всей правоохранительной системе страны.

– Сообщил, – мрачно подтвердил Труфилов, – вопросов больше нет?

– Нет, – пожал плечами Чиряев.

– Вот и хорошо, – едва сдерживая ярость, прошептал Труфилов, – можешь улетать. – Он повернулся и вышел из комнаты. Сама мысль о том, что приходится действовать заодно с такими подонками, как Чиряев, была отвратительна. До приезда группы Истребителя Труфилову еще казалось, что удастся не играть в эти игры. Что получать левые деньги и принимать участие в незаконных аукционах не значит быть настоящим преступником. В конце концов, воруют буквально все чиновники, и не только чиновники. Но убийство... Теперь Труфилов понял, в какую оказался втянутым историю. И с этого момента стал готовиться к побегу за рубеж.

Побрившись, он из ванной прошел на кухню. Завтракал он всегда основательно: яичница из трех яиц, большая кружка кофе, бутерброд с сыром. Покончив с едой, посмотрел на часы. Оставалось совсем немного времени. Он быстро оделся, взял деньги. От сорока семи тысяч долларов, которые увез за границу, в Париж, осталось немногим больше двадцати. Возможно, это была одна из причин, заставивших его вернуться в Москву. Деньги были на исходе, и следовало подумать о каком-нибудь заработке.

Романенко обещал, что после показаний в берлинском суде он сможет куда-нибудь уехать, устроиться на работу и начать нормальную жизнь. Труфилов рассчитывал продать квартиру Насти, которую в свое время купил в Москве, и переехать на Украину, в Харьков, там обосноваться и открыть какое-нибудь дело. Последнее испытание в берлинском суде, и все. Он взял две тысячи долларов. Затем, подумав, еще тысячу. Быть может, ему разрешат немного поразвлечься. Вспомнить молодость и посмотреть, каким стал Берлин в конце века. Труфилов помнил этот город, еще когда он был столицей Германской Демократической Республики, где особенно вольготно чувствовали себя офицеры бывшей Советской Армии.

Настя проснулась и с укоризной смотрела на друга. Они были знакомы уже несколько лет. После развода с женой Труфилов переехал к Насте. Тогда он и купил ей квартиру, истратив почти все свои сбережения. Когда он решил бежать за границу, у него хватило ума не говорить

ей, куда именно. Труфилов понимал, что прежде всего постараются вычислить Настю, чтобы потом выйти на него. Он просто сообщил ей о своем отъезде и добавил, что вышлет некоторую сумму денег на жизнь. Пять тысяч отправил жене и сыну, но позвонить не решился.

Настя плакала и ждала его. Дважды он ей звонил, но из других городов. Один раз из Антверпена, где встретился с Игорем Ржевкиным, и второй раз из Ниццы, куда отправился с Эженом Бланшо на двухдневный отдых. Настя уверяла, что любит его и ждет. Первое, что он сделал, когда вернулся в Москву, это попросил гарантии для себя и Насти, решив, что отныне они будут жить вместе.

В этот момент раздался телефонный звонок. Сотрудник ФСБ сообщил, что два офицера поднимаются наверх, назвав условный пароль. Труфилов кивнул и, взяв дорожную сумку, подошел к двери. Настя, накинув халат, поспешила за ним.

– Когда вернешься? – спросила она.

– Через три дня, – улыбнулся он, – вернусь – и все кончится. Уедем в Харьков, к нашим.

Он поцеловал Настю. Женщина вздохнула. В дверь позвонили. Он посмотрел в глазок. Одного из приехавших Дмитрий знал в лицо.

– Доброе утро, ребята, – открыв дверь, приветствовал он офицеров. Те сдержанно кивнули. В машине находились еще два сотрудника ФСБ. В аэропорт приехали в половине десятого утра и сразу прошли в зал для официальных делегаций. Пока офицеры оформляли документы, Труфилов оглядывал небольшое помещение, с удивлением отметив про себя, что здесь даже негде сесть. Потом они поднялись на второй этаж. В Шереметьеве-2 всегда царила суета. Стоявший у входа сотрудник службы безопасности спрашивал у каждого из входящих либо фамилию, если была предварительная заявка, либо документы на право входа в этот зал. Один из офицеров ушел, и теперь с Труфиловым остались двое. Посадку еще не объявили, и один из них решил оправиться.

В это время внизу появился неизвестный. Он объяснил сотруднику службы безопасности аэропорта, что ему необходимо подняться к офицерам контрразведки. Сотрудник запомнил троих сотрудников ФСБ, показавших ему свои удостоверения, и пропустил незнакомца. Тот поднялся наверх, прошел в зал, сел в кресло и увидел двух офицеров ФСБ и Дмитрия Труфилова, который пил кофе.

Как только один из офицеров встал, незнакомец весь подобрался, словно готовясь к прыжку. Офицер прошел к стойке бара и дальше, в сторону туалетов. Как только он скрылся за дверью, незнакомец поднялся и направился к Труфилову, рядом с которым сидел офицер. Почуввав неладное, офицер, схватившись за оружие, попытался вскочить, но незнакомец уложил его выстрелом из пистолета с глушителем прямо в сердце. Затем направил пистолет на Труфилова. Тот открыл рот, словно хотел что-то сказать. В последний момент он узнал убийцу... но все было кончено. Неизвестный выстрелил в голову Труфилову, кровь брызнула в разные стороны. Никто не понял, что именно произошло. Незнакомец выстрелил еще дважды в Труфилова и, повернувшись, пошел к лестнице. Только тогда закричала сидевшая в углу женщина, ощутив на лице горячие капли крови. В общей суматохе неизвестный скрылся.

Москва. 10 мая

В аэропорту царило напряжение. Как обычно на месте, где было совершено преступление. Любопытство, страх, радость, что сам не попал в подобную переделку, – все эти противоречивые чувства владели свидетелями происшедшего. Все они говорили путано, даже не могли описать убийцу, который поднялся на второй этаж. Все восемь человек, находившиеся в зале, рассказывали о случившемся каждый по-своему.

На месте работали сотрудники ФСБ и прокуратуры. Лишь один свидетель дал более конкретные и четкие показания, это дежурный внизу, который пропустил убийцу безо всяких документов. Он запомнил его в лицо и теперь описывал его внешность.

Романенко, приехавший в аэропорт вместе с Дронго, слушал опросы свидетелей, переходя от одной группы к другой. Иногда эти опросы по горячим следам бывают намного эффективнее тех, что проводятся через несколько дней, когда забываются некоторые важные детали.

С пристрастием допрашивали сотрудника ФСБ, отлучившегося в туалет именно в момент убийства. Следователь весьма подозрительно отнесся к такому совпадению. Подошел Дронго. Следователя он знал. Месяц назад он расследовал убийство в самолете Москва—Амстердам. Это был майор Сергей Шевцов, почему-то невзлюбивший Дронго еще во время прошлого расследования. Сам Дронго уже привык к подобному отношению к себе со стороны некоторых следователей и прокуроров. Профессионалы болезненно переживали свои поражения, считая, что слава Дронго непомерно раздута и не стоит допускать любителя к расследованию сложных дел.

Особенно неприятными для них были логические построения Дронго, умудрявшегося выстраивать цепочки фактов в определенные схемы, которые невозможно было опровергнуть. И тут профессионалы чувствовали некоторую свою ущербность и комплексовали. В сущности, в основе многих человеческих трагедий лежит чувство зависти. Каждый сотрудник считал себя не менее умным, чем эксперт, пусть даже такой известный. И лишь очень немногие настоящие профессионалы воспринимали Дронго как гроссмейстера той игры, в которой сами были мастерами.

Шевцов был опытным и старательным, но еще не мастером, а только кандидатом в мастера. Он с недоверием смотрел на Дронго, который каким-то непостижимым образом добивался весьма впечатляющих результатов. Шевцов не хотел верить ни в аналитические способности эксперта, ни в его опыт. За свою многолетнюю практику майор пришел к выводу, что без долгой кропотливой работы и обстоятельного изучения материалов нельзя решить ни одну задачу. Все разговоры о гениальных озарениях не для него. Он просто не верил в них. И каждый раз, встречаясь с Дронго, который с блеском опровергал его принципы, майор мрачнел, подсознательно понимая, что этот человек способен бросить вызов всей устоявшейся системе их работы.

Капитан Гадаев сидел в кресле с удрученным видом. Он винил в случившемся только себя и старался отвечать на вопросы следователя предельно искренне, ничего не скрывая. Он уже вынес себе приговор, считая, что не имел права никуда отлучаться.

Майор Шевцов молча поднялся и хмуро кивнул Романенко и Дронго, когда те приблизились.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался Дронго. Он помнил об их тренингах в Амстердаме.

– Вы видели убийцу? – спросил Романенко Гадаева, тот вскочил, но головы не поднял.

– Нет, – признался капитан, – когда я выбежал, все было кончено. Помчался вниз, но там никого не нашел. И в общем зале никого подозрительного не обнаружил.

– Когда вы вышли из туалета? – спросил Романенко.

– Когда услышал крики женщины, – виновато ответил Гадаев, – пожалуй, через несколько секунд. Пока добежал, прошло еще две или три секунды. Пока спускался с лестницы, еще пять-шесть. У преступника было время скрыться, – добавил он, глядя в глаза Романенко.

– Это мы все проверим, – сурово вставил Шевцов, покосившись на Дронго, видимо, ожидая, что тот вмешается в разговор, но Дронго молчал.

– Плохо получилось, – пробормотал Всеволод Борисович, – мы искали Труфилова по всему миру, привезли, наконец, в Москву, а его тут убили. Обидно.

– Вы так ничего и не скажете? – не выдержав, спросил Шевцов Дронго. – Ведь выдавали иногда с ходу поразительные результаты, – он хотел сказать цирковые номера, но удержался – рядом стоял Романенко.

– Хотите, чтобы я вам прямо сейчас назвал имя убийцы? – спросил Дронго. – Или того, кто его навел на Труфилова? Но я не кудесник. Фокусы не мое хобби. Нужно искать, майор, тщательно и долго искать. Гадаев вряд ли причастен к убийству. Так глупо подставляться не станет ни один фээсбэшник. Но проверить необходимо.

– Вот именно тщательно, – подхватил Шевцов. Ему понравилась необычная скромность эксперта. А может быть, его беспомощность в данной конкретной ситуации.

– Такие преступления раскрываются не сразу, если вообще раскрываются, – тихо проговорил Романенко. – Но, пожалуй, вы правы, нужно искать того, кто знал о поездке Труфилова в Берлин и навел на него убийцу.

Они отошли от Шевцова, продолжавшего допрашивать капитала Гадаева.

– Значит, среди нас есть предатель, – сказал Романенко, – я, собственно, давно об этом догадывался. Хотя о поездке Труфилова знало всего несколько человек.

– Сотрудники ФСБ, сопровождавшие Труфилова, знали? – спросил Дронго.

– Нет. Задание сопровождать его они получили только сегодня утром. Билеты и задание. Так что вы правы. Гадаев вне подозрений. Хотя проверять его мы все равно будем.

– Кто, кроме вас, знал о поездке Труфилова в Берлин? – спросил Дронго. – Несколько человек – понятие растяжимое.

– Человек шесть-семь, – задумчиво ответил Романенко, – многие знали, что Труфилов полетит в Берлин как свидетель по делу Чиряева. Но точное время и дата вылета им были неизвестны.

– Кто конкретно отвечал за его выезд в Берлин?

– Моя группа, – вздохнул Всеволод Борисович, – точнее, отдельные сотрудники.

– Кто конкретно знал о поездке?

– Артем Гарибян и Слава Савин. Ну и, разумеется, Захар Лукин, который заказывал билеты и обговаривал все подробности с нашим посольством в Берлине. Майор Рогов из ФСБ. Ему стало известно о поездке еще вчера утром, офицеры сопровождения – его люди. Еще могла знать о нашей операции Галя Сиренко. Вы ее помните. Она работает с нашей группой. Офицер из МУРа.

– Конечно, помню. Очень целеустремленный, надежный человек. Рогова я тоже немного знаю. Лукин помогал мне в поисках Труфилова. А Гарибяна и Савина вы давно знаете?

– Гарибяна лет восемь. Спокойный, уравновешенный. Всегда уважительно относится к подозреваемым и свидетелям. Ему под сорок, работает в органах прокуратуры уже семнадцать лет. Савин помоложе. Ему чуть больше тридцати. Увлекающийся, энергичный, с большим чувством юмора. Его я знаю около четырех лет. Не могу поверить, что кто-нибудь из них оказался мерзавцем.

– И больше никто не мог знать об отправке Труфилова?

– Больше никто, – задумчиво пробормотал Романенко, – впрочем, нет, еще я знал обо всех деталях операции.

– Вас трудно заподозрить, – улыбнулся Дронго, – если только вы не решили замять это дело.

– А разве мало прокуроров и следователей, которые именно так и поступают? – с горечью спросил Романенко. – Думаете, в органах прокуратуры нет коррупции? За голову Труфилова могли заплатить большие, очень большие деньги. Дай он показания в Берлине, суд мог принять решение о выдаче Чиряева. А Чиряев мог бы предоставить нам информацию об Ахметове.

– Он еще сидит?

– Сидит. Генеральный прокурор продлил срок следствия. Но если мы не предъявим ему обвинений до первого июня, придется его отпустить. Вы же знаете, у него адвокат сам Давид Бергман.

– Помню, – кивнул Дронго, – что думаете делать?

– Не знаю, – мрачно ответил Романенко, – мы потеряли главного свидетеля. Боюсь, берлинский суд теперь не примет решения о выдаче Чиряева. И в конечном итоге мы потеряем гораздо больше. Без свидетельских показаний Истребителя Чиряева мы рискуем оказаться на мели. Бергман опытный адвокат и добьется освобождения Ахметова.

Помолчав, он добавил:

– Если даже мы найдем того, кто навел на Труфилова убийцу, все равно ничего не докажем. Если честно, мне и искать-то его не хочется. Ведь о поездке Труфилова в Берлин знали только эти пятеро. И я их не просто знаю. А уважаю, ценю, считаю порядочными. Представляете, что значит для меня в мои годы вдруг узнать, что работал с подонком. Не могу даже представить, кто из них решился на такое?

– Утечка могла быть случайной?

– Не могла, – твердо ответил Романенко, – мы только вчера взяли билеты в Берлин. Ждали звонка из нашего посольства в Берлине. Посольство пока не целиком переехало в Берлин. Большая часть сотрудников еще в Бонне, но офицер ФСБ, отвечавший за прием Труфилова, должен был ждать в Берлине.

– Возможно, именно оттуда и прошла утечка информации, – предположил Дронго.

– Вполне возможно, – кивнул Романенко, – я почти убежден, что мои люди вне подозрений.

– Не получается, – вдруг сказал Дронго, – не получается. Из Берлина убийцы не могли получить никакой информации.

– Почему? Они знали о нашем рейсе. Должны были встречать самолет в берлинском аэропорту.

– Они знали, что Труфилова проведут через зал для официальных делегаций?

– Нет, – растерянно ответил Романенко, – мы только вчера вечером передали заявку. Через нашего начальника отдела.

– Он знал номер рейса?

– Нет. Только передал заявку. Согласился ее подписать, даже не поинтересовавшись номером рейса. Просто подписал бланк, и все. Вы же знаете, сюда нельзя попасть без заявки.

– Тогда берлинский вариант отпадает. Но утечка, возможно, произошла отсюда. Они могли получить данные из депутатской комнаты. Но вы говорите, что передали заявку вчера вечером. Вряд ли убийцы стали бы спокойно ждать. Ваши люди и Труфилов могли использовать обычный вход, и тогда их невозможно было бы остановить. К тому же тот, кто планировал это преступление, мог предположить, что вы сделаете Труфилову другие документы и он улетит в Берлин под другой фамилией.

– Мы так и поступили, – быстро проговорил Романенко, бледнея, – сделали Труфилову другой паспорт. – Он задохнулся от волнения.

За него договорил Дронго:

– Тогда нет никаких сомнений, – твердо заявил он. – Это дело рук одного из ваших сотрудников.

– Я и сам это уже понял. – Романенко тяжело вздохнул. – Неприятно узнавать такие новости. Видимо, тут сыграли роль деньги, и немалые. Я даже не знаю, кого подозревать. Галя живет одна с больной матерью, у Гарибяна большая семья, трое детей. Савин молодой, любит одеваться, недавно купил автомобиль. Говорят, ему помог старший брат. Рогова я знаю меньше. Лукин совсем молодой, но у него тоже семья.

– Обычно люди оправдывают собственную беспринципность семейными обстоятельствами, – сурово заметил Дронго, – но человек порядочный не совершит предательства под давлением обстоятельств. В этом я убежден.

– Придется проверять всех пятерых, – заметил Романенко, – знали бы вы, как все это неприятно.

– Представляю. Но другого выхода нет. Необходимо выяснить, каким образом преступники вышли на ваших людей, и искать убийцу. Говорят, что его многие видели.

– В подобного рода делах труднее всего вычислить убийцу, – признался Романенко.

– Что делать с Чиряевым?

– Не знаю. У нас в запасе только завтрашний день. Не думаю, что за такой короткий срок сумею найти факты, способные убедить немецкий суд выдать нам Чиряева. Просто не знаю, что делать.

В этот момент к ним подошел офицер.

– Вас к телефону, – обратился он к Дронго.

Дронго прошел в комнату сотрудников аэропорта, снял трубку и услышал недовольный голос генерала Потапова:

– Почему вы не носите с собой мобильный телефон?

– Лорды их не носят. В Англии ими пользуются только слесари-водопроводчики, чтобы срочно прибыть на вызов, если нужно отремонтировать туалет.

– Я вас серьезно спрашиваю, – разозлился генерал.

– А я вам серьезно отвечаю. За рубежом я обычно ношу мобильный телефон. А в Москве нет. Мне можно позвонить домой и надиктовать сообщение на автоответчик. Кроме того, от мобильного телефона у меня голова болит. Вы позвонили, чтобы предложить мне купить мобильный телефон?

– С вами невозможно разговаривать, – чуть поостыв, сказал Потапов. – Вы можете приехать ко мне в ФСБ?

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас, – подтвердил Потапов, – возьмите машину и приезжайте.

– Что-нибудь случилось?

– Случилось, – ответил генерал. – Жду вас. Постарайтесь не задерживаться. Это очень важно.

Они были знакомы с Потаповым уже несколько лет. Если генерал нашел его в аэропорту, значит, случай действительно экстраординарный.

– Буду через полчаса, – ответил Дронго и быстро вышел из комнаты.

– Вы докладывали кому-нибудь о случившемся? – спросил Дронго у Романенко.

– Пока не успел, а почему вы спрашиваете?

– В ФСБ уже знают. Звонил Потапов, просит срочно приехать.

– Сообщение пошло по их каналам, – сказал Всеволод Борисович, – сейчас здесь будет начальник Московского управления ФСБ – ведь убили их офицера.

– До свидания, – кивнул Дронго, – вечером позвоню.

Москва. 10 мая

Они сидели в отдельном кабинете ресторана, куда пускали только избранных. Один был высокого роста, с зачесанными назад волосами, большими глазами, крупным носом с горбинкой. Чистое, тщательное выбритое лицо портили глубокие морщины на скулах, особенно заметные, когда он улыбался. Бросались в глаза его красивые руки с длинными пальцами, как у музыканта. Это был Георгий Чахава, один из наиболее известных московских авторитетов. Непонятно, почему так распорядилась судьба, но среди криминальных авторитетов чаще всего встречались грузины и русские, представители двух великих народов, подаривших миру истинных гениев человеческой мысли. Но недаром говорят: в семье не без урода. Третье и четвертое место среди криминальных элементов занимали армяне и азербайджанцы.

Сидевший напротив Чахавы был его полной противоположностью. Маленький, полный, круглолицый и лысый. Он то и дело чесал кончик носа, похожий на пяточок – видно, разговор для него был нелегкий. Звали коротышку Павлик Комов, по кличке Чертежник. Он имел несколько судимостей за грабеж и славился тем, что отлично чертил планы.

– Ты, Павлик, всех нас подвел, – строго выговаривал ему Георгий, – тебе поручили конкретное дело, дали лучших людей, но ты ничего не сделал. Тебя ведь просили найти одного человека. Всего одного. И привезти в Москву. А ты провалил такое в общем-то несложное дело. Нехорошо, Павлик, очень плохо.

– Мы сделали все, что могли, – оправдывался Павлик, – отправили туда Хашимова. Но он... но они... у него ничего не получилось.

– Почему? – спросил Георгий. Он не кричал, даже не повышал голоса, и от этого становилось еще страшнее.

– Не знаю, – пробормотал Павлик, – сам не понимаю почему. Сначала его ребят в Бельгии убили. Потом всех арестовали. Сейчас они во французской тюрьме. Мы ничего не понимаем. Пытались связаться, но установить контакты не удалось. В общем, не получилось.

– И не получится, – ответил Георгий. На столе не было ни вина, ни закусок. Георгий человек восточный, не мог унизиться до того, чтобы разделить трапезу со столь ничтожным типом. Поэтому официанты в кабинет не входили. Тем более что у дверей сидели два боевика, люди Георгия.

– Нам кто-то помешал, – выдавил Павлик.

– Надо было узнать, кто именно, – наставительно произнес Георгий, – и сказать об этом нам.

– Да, да, конечно, – Чертежник вытер со лба пот.

– В девяносто втором Чиряев силу свою хотел показать. Узнал имя одного из перекупщиков и полез на него. На хромого Абаскули полез. Чем это кончилось, ты, Павлик, помнишь. А сейчас он сбежал в Германию. Тебя просили найти человека, чтобы заставить Чиряева заплатить долги. Теперь, выходит, ты за него должен платить. Три миллиона долларов. У тебя есть такие деньги? Или нам посадить тебя на «счетчик» вместо него?

Глаза у Павлика округлились от ужаса. Сумма была невозможной, немыслимой, невероятной. Даже продав все свое имущество, он не соберет таких денег.

– Я не думал... я не знал, – бормотал перепуганный Павлик.

– Ты должен был найти и привезти в Москву Труфилова, – продолжал Георгий, – но не привез. Мало того, это сделал кто-то другой. А ведь Труфилов мог заставить Чиряева вернуть долг. Вся Москва гудела, все ждали, когда Чиряев заплатит. Очень уважаемые люди ждали. Если он не заплатит, другие тоже не станут платить. Тогда в городе снова начнется война. Страшная война, Павлик. И первой жертвой будешь ты.

– Мы его найдем, найдем, – бормотал Павлик, – обязательно найдем.

– Не найдете, – презрительно бросил Георгий. – Труфилов убит сегодня. В аэропорту. Чиряев работает лучше нас, хоть и в немецкой тюрьме сидит. Как ты сказал, контакты не удалось установить? А почему Жене Чиряеву удалось? Да ты вообще ничего сделать не можешь! Или не хочешь?

– Я узнаю, узнаю, обязательно узнаю, – бормотал Павлик, холодея от ужаса, – мы все узнаем. Я его достану...

– Поздно, – сказал, как отрезал, Георгий. – Теперь уже поздно, Павлик. Ничего сделать нельзя.

Чертежник задрожал от страха. Он понял, что подписал себе смертный приговор.

– Я не виноват, – бормотал он, – не виноват... Я сам не знаю... Хашимов не смог. Он не смог...

– Двенадцатого мая в Берлине состоится суд, Павлик, – напомнил Георгий, – послезавтра. Нужно показать Чиряеву, как нехорошо обманывать друзей. У него ведь остались в городе объекты, магазины, казино. Или я ошибаюсь?

– Нет, нет, не ошибаетесь, – Павлик облизнул губы. У него появился шанс. Возможно, удастся уйти отсюда живым.

– Он должен понять, как нехорошо поступил с нами, – продолжал между тем Георгий. – Надо его унижить. Все должны узнать, что он уехал за границу, не уплатив долги. Пусть он попсихует.

– Я знаю, – торопливо сказал Павлик, – знаю его женщину. Его знакомую. Его хорошую знакомую, – он говорил, от страха глотая слова.

– При чем тут его знакомая? – не понял Георгий.

– Вы же говорите, нужно его унижить, – облизнул губы Павлик. – Мы знаем, где она живет.

– Какая же ты сволочь, Павлик, – удивленно сказал Георгий, – я думал, ты мужчина, а ты, оказывается, мразь, дерьмо. – Он задумался. Восточному человеку неприятна была сама мысль о том, чтобы использовать в таком деле женщину. В подобных разборках запрещено трогать женщин и детей. Это негласное правило. Впрочем, у воров в законе обычно не бывает семьи...

– Нельзя это делать, – поморщился Георгий, – такое в городе не прощают. Если сегодня мы тронем женщину Чиряева, завтра его боевики начнут стрелять в наших женщин. Так что не лезь ко мне с такими гнусными предложениями. – Последние слова Георгий произнес как-то неуверенно, и Павлику это придало бодрости.

– У нее друг был, еще до Чиряева. Она его содержала. Все об этом знали. Потом появился Чиряев, и тот мужик отвалил. Ему объяснили, чтобы близко не появлялся. Но он может снова появиться. А мы сфотографируем. Никакого насилия. Пусть Истребитель посмотрит на эти картинки.

– Ну, и гад же ты, – покачал головой Георгий. – Подумай, что предлагаешь! Какую подлянку! – Он снова задумался. – Значит, до Истребителя у нее дружок был, говоришь?

– Был, – кивнул Павлик, напрягшись.

– А может, действительно стоит попробовать, – в раздумье проговорил Георгий, – это будет красивый ход. Пусть убедится, что даже его женщина плюет на него. Наверняка взбесится. Сразу поймет, чьих это рук дело. Знаешь, Павлик, если без насилия, можно попробовать. Но смотри, чтобы женщину пальцем не тронули. Иначе Чиряев ответит ударом на удар, а если она сама... Найди этого ее дружка и пообещай хорошо заплатить. Он должен встретиться с ней уже сегодня. Двенадцатого мая в Берлине состоится суд. Не выдадут Чиряева, он останется в Германии, тогда плакали наши денюжки.

– Все будет в порядке. Я его из-под земли достану, – пообещал Павлик.

– Прوماхнешься, будешь платить три миллиона долларов, – твердо пообещал Георгий.

Чертежник испуганно уставился на него.

– Шутка, – без тени улыбки произнес Георгий. – Деньги нам не нужны. Их у тебя все равно нет. Вместо денег ты принесешь свою голову, Павлик. Сам отрежешь ее и пошлешь мне в качестве сувенира. Если сорвется...

– Не сорвется, – пробормотал Павлик.

Москва. 10 мая

Через полчаса Дронго уже был у генерала ФСБ Потапова.

– Вы срочно вызываете меня, словно я ваш агент или офицер, – недовольно заметил Дронго, входя в кабинет.

– Агентов мы сюда не вызываем, а офицерам я сам не звоню, – сказал Потапов, – поймите, только чрезвычайные обстоятельства вынудили меня вам позвонить.

– Что случилось?

– С вами хочет встретиться один человек. Меня попросили вас найти. Встреча состоится через час.

– Что за человек? – поинтересовался Дронго.

– Вы его узнаете, – уклонился от ответа Потапов.

– Если меня вызывает сам генерал ФСБ, это должен быть по меньшей мере маршал, – пошутил Дронго.

– Он и есть маршал, – пробормотал Потапов, – почти маршал. Вас к нему отвезут. Излишне говорить, что об этой встрече никто не должен знать. До свидания, Дронго.

– Никогда не видел живых маршалов, – пошутил на прощание Дронго.

Внизу его уже ждал автомобиль с затемненными стеклами. Двухэтажный особняк, где должна была состояться встреча, находился во дворе. Когда машина подкатила к подъезду, входная дверь открылась, стоявший на пороге молодой человек внимательно посмотрел на Дронго и спросил:

– У вас есть оружие?

– Я не люблю оружия, – ответил Дронго, – но вы можете меня обыскать.

– Не нужно, – донесся голос из глубины коридора. Там стоял мужчина лет шестидесяти.

– Добрый вечер, – кивнул он, не протягивая руки, – поднимитесь на второй этаж, первая дверь слева. Вам придется немного подождать.

Дронго поднялся на второй этаж и обратил внимание на камеру, установленную в коридоре. Ему показалось, что в конце коридора установлена еще одна. В комнате, куда он вошел, довольно просторной, стояли стол и несколько стульев. В углу был небольшой телевизор, пульт лежал на столе. Дронго огляделся, затем подошел к окну. Но окон, как таковых, здесь не было. Занавески прикрывали стены, создавая иллюзию окон. С наружной стороны дома окна находились совсем в другом месте. Если бы кто-нибудь рискнул использовать специальную технику подслушивания, ориентируясь на колебания оконного стекла, его постигло бы разочарование. За камуфляжными окнами находилась глухая стена.

Дронго вернулся к столу, включил телевизор. Очередная программа с очередным ведущим, старым знакомым Дронго. В начале девяностых этот ведущий был ярким демократом, известным своими либеральными взглядами. В конце девяностых превратился в полупатриота, критикуя прежние правительства за развал государства и неслыханное воровство.

Смотреть не хотелось, и Дронго выключил телевизор. Взглянул на часы. Интересно, сколько еще ему придется ждать? В комнату вошел молодой человек, встретивший его у входа.

– Хотите чего-нибудь выпить?

– Спасибо, нет. Охотно почитал бы газету или журнал.

– Сейчас принесу.

Дронго просмотрел несколько газет, полистал журнал, когда наконец дверь снова открылась и на пороге появился человек, с которым Дронго несколько раз приходилось встречаться. Он энергично пожал Дронго руку. Это был премьер-министр страны.

– Садитесь, – он указал на стул. Несколько лет назад они с Дронго встречались при обстоятельствах чрезвычайных, почти невероятных. Премьер запомнил эту встречу. И теперь решил пригласить эксперта на разговор.

– Мы не встречались, – начал Премьер, – пожалуй, три года.

– Да, – согласился Дронго, – вы тогда были недовольны моими действиями.

– Потом мы спокойно во всем разобрались, – сказал Премьер. – Мне сообщили, по чьей вине было запущено в Интернет исчезнувшее письмо. Но я хотел встретиться с вами не для того, чтобы предаваться воспоминаниям. Мне стало известно, что вы помогали группе Романенко в расследовании?

– Помогал. К сожалению, конечный результат пока нулевой. Человека, которого я с таким трудом разыскал, сегодня утром убили в аэропорту, и он так и не вылетел в Берлин. Романенко и сотрудники прокуратуры попали теперь в трудное положение.

– Мне сразу доложили о случившемся. Кто-то заинтересован в том, чтобы развалить дело арестованного в прошлом году Рашита Ахметова. Генеральный прокурор считает, что, выявив его связи, можно выйти на тех, кто долгие годы расхищал государственные средства. Каково ваше мнение?

– Вполне возможно, – ответил Дронго, – но задача эта очень сложная. К тому же у Романенко проблемы. Пока не представляется возможным доказать вину подозреваемых. И учтите, Ахметова защищает один из лучших адвокатов страны. Кроме того, многие чиновники заинтересованы в том, чтобы Ахметова оправдали. И не только чиновники. Кто-то навел на главного свидетеля убийцу, сообщив о его местонахождении. Кто-то из своих. В общем, Романенко предали, и он теперь не может доверять даже собственным сотрудникам.

Премьер помолчал несколько секунд, потом сказал:

– Полагаете, государственные структуры не способны эффективно бороться с расхитителями такого масштаба?

– Думаю, неспособны, – осторожно ответил Дронго, – они все время на виду, и это им мешает.

– Мы того же мнения, – ответил Премьер, – поэтому я и пригласил вас, чтобы, как говорится, сверить часы.

Дронго улыбнулся. Сам того не ожидая, он попал в расставленную Премьером ловушку, сказал все, что тот хотел услышать, и нисколько не жалел об этом. Приятно беседовать с таким умным человеком, как премьер-министр. Если Дронго был выдающимся аналитиком, способным на безупречные логические построения, то премьер-министр являлся одним из самых осведомленных людей в государстве. Он выстраивал невероятно сложные комбинации и успешно претворял их в жизнь. В условиях, когда политики пытались просчитать игру на один ход вперед, он просчитывал все возможные варианты и никогда не проигрывал. Ничьей не признавал. Но на публику не работал – не делал эффектных ходов, не громил противника, просто выигрывал очки.

– А что, если мы предложим вам поработать у нас экспертом по некоторым вопросам?

– Неужели вы хотите взять меня на работу? – засмеялся Дронго. – Представляю, что про вас напишут газеты.

– Нет, не хочу, – признался Премьер, – вы слишком популярны в стране, и наше сотрудничество должно оставаться втайне. В строгой тайне, – подчеркнул Премьер.

– Я что-то не понимаю.

– Мы дадим вам людей, – объяснил Премьер, – и вы будете работать на группу Романенко. Негласно. Все расходы мы вам оплатим. Я знаю, вы получаете гонорары за свои расследования. Готов обсудить и этот вопрос.

– Значит, вы хотите, чтобы я помог Романенко? Я правильно понял?

– Речь идет не о прямой помощи, – осторожно заметил Премьер, – никто не предлагает вам вмешиваться в работу правоохранительных органов. Я имею в виду консультации. Вы известный специалист в области расследований, бывший эксперт ООН и Интерпола. И если в особо сложных ситуациях будете делиться опытом с нашими сотрудниками, это пойдет им на пользу.

Премьер-министр, привыкший обдумывать каждый свой шаг, был предельно осторожен.

«Он хочет иметь козырь против недоброжелателей, – подумал Дронго, – понимает, что Романенко в одиночку не удастся довести расследование до конца. Что ему необходим помощник. Не состоящий на службе, свободный от государственного контроля эксперт».

– Мне нужны люди, – сказал Дронго.

– Сколько? – спросил Премьер. – Учтите, тут необходима строгая конспирация. Да и возможности у нас ограниченные.

– Дайте мне Зиновия Михайловича. – Дронго вспомнил инженера, работавшего с ним три года назад. Его тогда прислали из Службы внешней разведки. – Мне нужен этот человек с его аппаратурой.

– Сделаем, – сказал Премьер.

– И еще нужна полная независимость, чтобы никто не вмешивался в мои дела, – сказал Дронго и, заметив набежавшую на лицо Премьера тень недовольства, добавил: – Вы же знаете, я не люблю, когда мне мешают.

– Хорошо, – вздохнул Премьер, – что еще?

– Финансирование. Я дорого стою. Это не реклама, мне нужен минимум...

– Я знаю ваши способности, – перебил его Премьер, – сколько вы хотите?

Дронго назвал сумму. Помолчав, Премьер кивнул.

– Охрана нужна?

– Нет, – улыбнулся Дронго, – толку от нее никакого, одна суета.

Премьер усмехнулся, вытер платком пот со лба.

– Во что бы то ни стало надо найти доказательства вины этих людей. Если хотите, это моя политическая программа. Речь идет не только об арестованном заместителе министра. Генеральный прокурор сообщил, что Ахметов был связан с людьми во властных структурах. Существовала разработанная система хищений в Минтопэнерго. Система лжебанкротств, ускоренных лжебанкротств. По самым скромным прикидкам наших экспертов, украдено не менее пяти-шести миллиардов долларов. Пять-шесть миллиардов, – повторил Премьер, – это единственное, что можно доказать. За такие деньги они могли купить всех чиновников и руководителей, даже в кабинете министров.

– За такие деньги они будут сражаться, – вставил Дронго.

– Обязательно будут, – согласился Премьер, – и не исключено, что мы проиграем.

– Зачем тогда вы ввязываетесь в эту драку? – поинтересовался Дронго. – Вы человек пожилой, многое повидали, у вас огромный опыт. Не все ли вам равно, какая группировка придет к власти? В принципе все они на одно лицо. Одни получше, другие похуже.

– Может, вы и правы, – ответил Премьер, – но очень противно чувствовать себя марионеткой в руках кукловодов. Терпеть не могу, когда кто-то пытается решать за меня. Надо рискнуть. Всем будет трудно, я знаю. Особенно вам. Поэтому я согласен на все ваши условия. Но и у меня есть свои. Всего два. Первое вы уже знаете. Конспирация. Никто не должен знать о нашем разговоре. Хотя бы до моей смерти. Я намного старше вас, и вы, надеюсь, потерпите. Ждать не так уж долго. Во-вторых, вам придется соблюдать некоторые правила игры, то есть действовать только законными с точки зрения права и этики методами. Для нас это очень важно.

– Понимаю, – серьезно ответил Дронго. – Я всегда стараюсь действовать в рамках закона. Если получается, – добавил он тихо. Премьер усмехнулся. Они поняли друг друга.

– Договорились, – Премьер поднялся. – Мой помощник даст вам свой прямой телефон. Звоните в любое время суток. Зиновий Михайлович вечером свяжется с вами. У вашего дома будут постоянно дежурить сотрудники ФСБ. На всякий случай. До свидания.

Он пошел было к двери, но на пороге остановился и, повернувшись к Дронго, напомнил:

– Действуйте в рамках закона.

И вышел. Через полчаса Дронго отвезли домой. Еще через час к нему приехал Романенко.

– Мы проверили наши сообщения, подозревать можно всех пятерых, – сказал он мрачно. – Как вычислить предателя? У нас в запасе всего день. Вряд ли успеем.

– Попытаемся, – произнес Дронго, – попытаемся выявить предателя среди ваших лучших сотрудников. Помните, что говорят французы? «Предают только свои».

– Этого я и боюсь, – признался Всеволод Борисович. – У вас есть какой-нибудь план?

– Есть, – улыбнулся Дронго и стал рассказывать.

Москва. 10 мая

Егор Фанилин, настройщик роялей, был альфонсом и не видел в этом для себя ничего обидного, тем более что в таком качестве пребывал последние двадцать лет своей жизни. Симпатичный, хорошо воспитанный, закончивший консерваторию и в меру начитанный, он нравился женщинам с первого взгляда. К своим сорока сохранил удивительно стройную фигуру и густые, светлые, выющиеся волосы. Он тщательно следил за собой, всегда был чисто выбрит, благоухал хорошим парфюмом, даже умудрялся элегантно одеваться. И все для того, чтобы охмурить очередную жертву и сесть ей на шею.

Когда Егору было пять лет, отец ушел из семьи к другой женщине под тем предлогом, что она больше подходит ему в духовном плане, чем жена. Отец заведовал библиотекой и считал себя прямо-таки воплощением духовности. Мать преподавала в школе пение и на свою скромную зарплату растила двоих детей. С малых лет Егора баловали мать и старшая сестра, выполнявшие все его прихоти. В маленьком тиране души не чаяли еще две женщины – незамужняя сестра матери и бабушка. Постепенно мальчик проникся уверенностью, что никто не может ему ни в чем отказать.

Первый щелчок судьбы он получил при попытке поступить в Московскую консерваторию. Мать была в отчаянии, Егора могли забрать в армию. Она объездила несколько городов, подключила всех своих близких и не очень близких друзей и родственников, и наконец в далеком азиатском городе нашла консерваторию, где почти гарантировали поступление за определенную плату.

В этом городе молодые люди стремились попасть на юридический, чтобы обеспечить себе будущее прокурорскими и судейскими взятками. В консерваторию поступали в основном женщины. Попадались, конечно, и парни, те, которым не удалось никуда поступить, и теперь они искали в консерватории спасения от армии.

На семейном совете решено было продать загородный дом бабушки, где семья обычно отдыхала в летнее время. На образование мальчика требовались расходы. Дом продали, мать, прихватив с собой своего оболтуса, отвезла деньги в далекий азиатский город и передала вороватому типу с бегающими глазками, председателю приемной комиссии. Тип слово сдержал, Егора в консерваторию приняли, а мать, счастливая, вернулась домой.

В студенческом общежитии царила свобода и сексуальная раскрепощенность. В первые несколько месяцев Егор умудрился пропустить половину занятий, зато обзавелся подружками из числа студенток своей группы. Нравы в городке были несколько иные, чем в его родном местечке.

Студентки делились на две группы. Живущие в общежитии готовы были встречаться с любым парнем, если даже он им не особенно нравился. Те, что приезжали в консерваторию на папиных служебных машинах, на однокурсников не обращали никакого внимания, твердо зная, что достойного жениха им выберут родители и что только с их согласия они могут выйти замуж. С первыми было интересно, они легко знакомились, охотно общались с Егором. Со вторыми не получалось ничего. Ко второму курсу стало ясно, что ни Моцарта, ни Шуберта из Фанилина не выйдет. Оставалось доучиваться в этом жарком городе, терпеливо дожидаясь получения диплома.

Он пробовал знакомиться с девушками из второй группы, но наталкивался на легкое презрение и почти не скрываемое пренебрежение. Это было обидно. На третьем курсе ему уже не хватало тех пятидесяти рублей, которые ежемесячно присылала мама. И тогда появилась в жизни Егора Фатима Теймуровна. Женщина невероятных габаритов и большого сердца. Она работала заведующей столовой и давно обратила внимание на смазливую паренюшку, выделявшегося своей светлой шевелюрой. Фатима Теймуровна была вдовой, а южное солнце делает

людей ненасытными в любви. То ли Егор обратил на нее внимание, то ли она на него, он теперь уже точно не помнил. Однако ночь, проведенную с этой женщиной, вспоминал с удовольствием. И хотя она ему годилась в матери, ее бурный темперамент великолепно сочетался с молодостью и силой Егора.

Через две недели его снова потянуло к ней. На этот раз она утром всунула ему в карман двадцатипятирублевку, по тем временам деньги немалые. Весь день Егор мечтал о том, как швырнет их в лицо оскорбившей его женщине. Но к вечеру успел их потратить, утешая себя тем, что, как только получит перевод от матери, сразу вернет. Теперь ему приходилось существовать только на эти пятьдесят рублей, стипендии ему давно не платили. Из-за неуспеваемости.

Следующую купюру того же достоинства он потратил не задумываясь, и с тех пор больше не мучился угрызениями совести. На четвертом курсе Егор просто переехал к Фатиме Теймуровне, и оставшиеся два года промелькнули как прекрасный сон. Он постоянно был сыт, при деньгах, не говоря уже о любовных утехах.

Но всему рано или поздно приходит конец. По завершении учебы он тепло простился с гостеприимной женщиной, оказавшейся для него настоящей находкой. Возвращение в родной город оказалось безрадостным и унылым. Впереди маячили долгие годы работы в музыкальной школе безо всяких перспектив на приличную работу и, как следствие, на нормальную жизнь.

И он решил снова попытать счастья в Москве. И это едва не закончилось крахом. Деньги быстро исчезли, найти работу не удавалось. В конце семидесятых – начале восьмидесятых во многих домах еще стояли рояли и пианино, появившиеся в квартирах во время дефицита шестидесятых. Егор устроился настройщиком роялей и вскоре обзавелся обширной клиентурой. В те времена еще можно было сносно существовать на сто – сто пятьдесят рублей. А в некоторые месяцы он зарабатывал по двести, а то и триста. Но это его не устраивало.

Он мечтал о московской квартире, московской прописке и настоящих деньгах. И его мечты сбылись. Он женился на Катеньке, дочери генерала, который к этому времени вот уже пять лет лежал на кладбище, пугая людей своим громадным бюстом. Катенька оказалась девушкой самостоятельной и хорошо обеспеченной. Она прописала Фанилина в свою четырехкомнатную квартиру, и он наконец получил вожделенную прописку, а в подарок от тещи автомобиль.

Возможно, они прожили бы с Катей до конца дней своих. Но через три года после свадьбы Фанилин сорвался. Он был непроходимо глуп, даже туп, научился это скрывать за многозначительным молчанием. Но не всегда это ему удавалось. Книг Фанилин не любил, журналов и газет не читал, информационные сообщения навевали на него скуку. Привлекали его только видеомэгафон и порнофильмы, которые он смотрел тайком от жены. Эти фильмы порождали массу приятных фантазий, которые можно было немедленно воплотить в жизнь. Стоило только выехать на Горького, как тогда называлась главная улица столицы, позже переименованная в Тверскую.

С Катенькой о подобных вещах он даже заговаривать не решался. Дочь генерала была настоящим «синим чулком», признавала только старый способ и то раз в месяц, не чаще. К тому же она оказалась бесплодной, и интимные отношения стали тягостными для обоих супругов. Именно тогда Фанилин стал увлекаться девочками. Они стоили недорого, деньги у него водились, поскольку жил он на всем готовом. Жена к тому времени уже успела защитить кандидатскую диссертацию.

Три года безоблачной жизни закончились катастрофой, когда супруга обнаружила пачку презервативов в автомобиле. Скандал разыгрался грандиозный, обманутая в своих лучших чувствах Катенька требовала чистосердечного признания. Разумеется, Фанилин отрицал все. Но через несколько дней жена, очевидно унаследовавшая от папаши-генерала не только квар-

тиру, но и его суровый нрав, выследила мужа с очередной девицей и немедленно выставила его вещи за дверь.

Фанилин запаниковал. Но тут он выяснил, что как супруг имеет право на половину огромной генеральской квартиры, и отсудил у жены две комнаты. Егор сделал вход из другого подъезда, и теперь у него была прекрасная московская квартира. Через полтора года эту, уже разделенную квартиру удалось обменять на две квартиры в центре города. При этом Фанилин получал трехкомнатную, а бывшая жена – двухкомнатную. Катенька, постоянно вздрагивающая от голосов за тонкой стенкой, была согласна на все.

Время от времени Фанилин занимался валютными операциями, благо в конце восьмидесятых милиция и КГБ уже не столь ревностно охотились за фарцовщиками и валютчиками. Но главным капиталом Фанилина по-прежнему была его внешность. Открытая улыбка, красивые светлые волосы, доброе приветливое лицо, спортивная фигура – он почти ежедневно посещал бассейн. Женщины были от него без ума.

Он по-прежнему тратил деньги на молоденьких проституток. Но в это время в Москве стали появляться достаточно состоятельные женщины, которые могли себе позволить завести такого друга, как Фанилин. Первой была владелица большого магазина компьютеров, затем глава туристического агентства, жена известного дипломата, скучающая дома, пока муж разъезжал во Ближнему Востоку в стремлении установить там мир. В общем, жизнь Фанилина была спокойной, счастливой и размеренной, пока он не встретил Мару Киршентале, супругу известного хоккеиста. Они познакомились на вечеринке у знакомых Фанилина. На него произвела впечатление и ее потрясающая фигура – девяносто—шестьдесят—девяносто. И роскошные каштановые волосы. Рядом с хоккеистом, у которого дважды был сломан нос, а лицо испорчено множеством шрамов, Фанилин выглядел почти Аполлоном. К этому следует добавить многозначительное молчание и загадочную улыбку. Хоккеист тоже был немногословен. От усталости. И это давило на собравшихся.

Мара не могла не заметить разницы. К тому же она видела, как липнут к Фанилину женщины. И решила обыграть соперниц. Фанилин не сопротивлялся. Их роман прогремел на весь город. Хоккеист равнодушно отнесся к слухам об измене жены. Изнуренный своей многолетней карьерой, он подумывал о переезде в родной город на тренерскую работу.

Все получилось как нельзя лучше. Муж-хоккеист согласился на развод и уехал, а Фанилин остался с Марой в ее квартире на Тверской. Теперь девочки ходили прямо под окнами, и это возбуждало Егора. В свою квартиру он, разумеется, никого не пускал и тем более никого не прописывал.

Но счастье длилось недолго. Мара была не просто красивой. В отличие от остальных женщин, с которыми его сводила судьба, она была еще и очень «дорогой». Чтобы соответствовать ее запросам, ему пришлось сдать собственную квартиру и впервые в жизни тратиться на женщину. Но денег катастрофически не хватало. После августа девяносто первого все пошло наперекосяк.

Обычная фарцовка или валютные операции доходов больше не приносили. Обмен валюты был разрешен, один за другим открывались фирменные магазины. В Москве появились не просто богатые, а сказочно богатые люди. Разумеется, Мара хотела соответствовать именно этой категории. В общем, разрыв был неминуем, хотя оба искренне жалели об этом. Мара была так же неистощима на сексуальные выдумки, как и Фанилин. В постели им было так хорошо, что они могли сутками заниматься любовью. Но Мара мечтала о драгоценностях, автомобилях, дорогой одежде. А у Фанилина таких возможностей не было.

В девяносто третьем Мара встретила Чиряева. Она не догадывалась, с кем свела ее судьба, но Истребитель был очарован молодой женщиной. Засыпал ее цветами и подарками, и Мара сдалась. Конечно, он не был таким изобретательным в постели, как Фанилин, и таким галантным. Чиряев был чужд всяких ухищрений и изысков. Получив свое, он сразу засыпал,

а ощущения партнерши его вообще не волновали. Маре было обидно, но она постепенно привыкла. Чиряев не считает денег, засыпал ее деньгами, а ради этого стоило терпеть.

Фанилина она не забыла. Несколько раз встречалась с ним тайком. Но их встречи были пресечены самым решительным образом. К Егору нагрянули трое молодчиков. Били недолго, но сильно. Правда, ему повезло, лицо не изуродовали, очевидно, не получив на этот счет инструкций. Ему приказали навсегда забыть Мару, даже близко не подходить к улице, где она проживает. У Фанилина хватило ума не артачиться.

Следующие несколько лет оказались нелегкими. И не потому, что приходилось сдавать собственную квартиру, а самому ютиться в однокомнатной, далеко от центра. Он потерял уверенность в себе, уже не так охотно встречался с женщинами, к тому же сказывался возраст. Правда, красивые и богатые вдовушки все еще попадались, благодаря им он мог по-прежнему следить за собой, покупать дорогие костюмы, обедать в лучших ресторанах. Но теперь Фанилину приходилось держать свои чувства под контролем и зачастую изображать страсть к сорокалетним подругам, охотно принимавшим его у себя в доме.

Однажды он заночевал у знакомой дамы, давно перешагнувшей критический возраст, владелицы модного салона. Она перепробовала на себе все новинки косметики и умудрилась сделать несколько пластических операций. Морщины исчезли, лицо стало как маска, но тело напоминало желеобразную массу, и Фанилин с трудом сдерживал отвращение. Но у дамы было одно несомненное преимущество: она жила в огромной пятикомнатной квартире в одном из престижных домов, которые появились в столице в начале девяностых.

Кроме того, дама обещала взять Фанилина с собой в круиз по Карибскому морю. При одной мысли о соблазнительных мулатках, у Егора начиналось сердцебиение. В конце концов, за удовольствие надо платить. Дама берет его с собой в круиз за то, что он с ней спит, он спит с ней за то, что она берет его с собой в круиз. Оба получают удовольствие. Обоих устраивает такой вариант. Они вернулись домой под утро и спали до полудня, когда раздался телефонный звонок.

Хозяйка, взглянув на часы, лениво потянулась к трубке.

– Слушаю, – произнесла она хриплым голосом.

Фанилин повернулся на другой бок, стараясь не смотреть на лежавшую рядом с ним стареющую женщину.

– Здравствуйте, Фанилин у вас?

– Кто? – удивилась хозяйка. – Такого здесь нет и никогда не было.

Тактичный Егор не давал этого телефона никому из знакомых. Пользовался своим, мобильным.

– Ты что, глухая? – резко спросил позвонивший. – Я спрашиваю: Фанилин у тебя?

– Хам, – сказала хозяйка и бросила трубку. Она повернулась к Егору: – Какой-то ненормальный, хамит, грубит, требует тебя.

Снова зазвонил телефон.

– Сейчас скажу им все, что про них думаю. Кому ты давал мой телефон?

– Никому, никто не знает, что я здесь. Мои знакомые обычно звонят по моему телефону.

– Хамы, – бросила она, подняв трубку.

– Послушай, сука, если опять бросишь трубку, я спалю твой салон. Или мне поехать на Добролюбова, поговорить с твоей дочерью, а потом позвонить тебе?

Она тяжело задышала, схватилась за сердце. Негодяй знает, где живет ее дочь с детьми. Это было настоящим ударом для хозяйки.

– Что тебе нужно? – хрипло спросила она, не решаясь бросить трубку.

– Дай Фанилина, – сказал неизвестный.

– Какие-то ненормальные, – прошептала она, протягивая трубку Егору. От трубки исходил запах ее кожи, особенно неприятный по утрам, и Егор невольно поморщился.

– Фанилин, ты? – услышал Егор незнакомый голос.

– Да, я. Кто говорит?

– У нас к тебе важный разговор. Через пятнадцать минут спускайся вниз, будем ждать.

– Кто вы? – встревожился Фанилин. – Что вам нужно?

– Можешь заработать пять тысяч, – сказал неизвестный, – или тебе нравится твоя старуха?

Фанилин покосился на хозяйку. Она ему не нравилась. А пять тысяч большие деньги. Если, конечно, они имеют в виду доллары, а не рубли.

– Пять тысяч чего? – осторожно спросил Егор.

– Баксов, дурак. Через пятнадцать минут. – Неизвестный положил трубку.

– О чем это они? Какие пять тысяч? – спросила хозяйка, обдав его запахом нечищенных зубов.

– Не знаю, – пожал плечами Егор, поднимаясь с постели. – Вообще ничего не понимаю.

Через пятнадцать минут он уже стоял внизу, нетерпеливо поглядывая на часы. К дому подкатил черный «Мерседес». В салоне сидел коротышка с круглым лицом. Это был Павлик. Он поманил Фанилина и показал на место рядом с собой:

– Садись, это ты Егор Фанилин?

– Я, – ответил Фанилин, не решаясь забраться в машину. Он узнал сидевшего в автомобиле.

– Садись, – повторил Павлик, – разговор есть. Я тебе даже завидую. И деньги получишь, и удовольствие. Садись, говорю.

Фанилин, наконец, залез в салон, и машина тронулась с места.

Москва. 10 мая

Романенко, слушая Дронго, нервно потирал подбородок. Ему не очень нравилась этическая сторона предложенных Дронго действий.

– Я не могу подозревать своих людей, – мрачно говорил Всеволод Борисович, – потому что четверых из группы знаю уже давно и не сомневаюсь в их порядочности и принципиальности. Что касается майора Рогова из ФСБ, то вы знаете его лично. С Галей Сиренко и Захаром Лукиным тоже знакомы. Кого из них я могу подозревать? А вы советуете устроить негласную проверку. Если кто-нибудь из них догадается, мне будет очень стыдно.

– Если бы дело касалось вас лично, возможно, я понял бы вашу позицию, но речь идет о конкретной скоординированной акции против вашей группы. Кто-то сообщил о поездке Труфилова в Берлин на заседание суда, указал точное время и место вылета. Это мог сделать только один из ваших сотрудников.

– А может, утечка произошла случайно. Через МВД или ФСБ? Или в аэропорту? Такую вероятность вы исключаете?

– Как одну из возможных версий не исключаю, но прежде всего советую проверить именно пятерых, о которых вы говорили.

– Каким образом?

– Легче проверить нескольких подозреваемых, чем найти одного, – пояснил Дронго. Они сидели в гостиной, в глубоких креслах у небольшого столика. Романенко был язвенником и не выносил спиртного, Дронго предпочитал красное вино и то пил его лишь за обедом. Поэтому сейчас перед ними стояли чашки чая.

– Когда задают несколько вопросов, на какой-нибудь непременно найдешь ответ, – продолжал Дронго, – интуитивно, по некоторым деталям. Это я знаю еще со школьных времен. Уверен, что, имея конкретный круг подозреваемых, можно вычислить преступника. Почти всегда, – уточнил Дронго.

– И каким образом вы собираетесь это сделать? – устало осведомился Всеволод Борисович, поправляя очки и приглаживая короткие непослушные волосы.

– До завтрашнего дня необходимо проверить всех пятерых. Быстро и эффективно, сообщив им новость такого же порядка, как и вылет Труфилова в Берлин.

– Не понимаю, что это даст? – спросил Романенко, протирая платком очки.

– Узнаем, откуда происходит утечка, кто передал информацию о вылете Труфилова. Выясним, кто в Москве заинтересован в оправдании Рашита Ахметова и делает все возможное, чтобы немецкий суд не передал российской прокуратуре Евгения Чиряева.

– Согласен. – Всеволод Борисович водрузил на место очки. – Но какую информацию мы можем дать? Главный свидетель, Дмитрий Труфилов, убит. Других у нас нет. И все пятеро, которых вы собираетесь проверять столь экзотическим способом, хорошо знают об этом. За несколько часов свидетеля не придумаешь. Мои сотрудники в это не поверят. Они – настоящие профессионалы. Или вы собираетесь рассказать всем, что убийца промахнулся и Труфилов остался жив? Все равно не поверят. Сведения об убийстве уже переданы в прокуратуру и ФСБ. Любой из нашей пятерки может проверить эти данные через информационный центр. Так что подsunуть им информацию, способную их заинтересовать, – невозможно. У нас ее просто нет. А двенадцатого мая немецкий суд рассмотрит дело Чиряева и откажет нам в его выдаче.

– Погодите, – остановил его Дронго. – При чем тут Труфилов? У меня совсем другой план. Мы исследуем причины, совершенно забыв о расследовании. Простите, Всеволод Борисович, но вы идете от частного к общему. А я предлагаю взглянуть на проблему с другой стороны.

– Не понимаю, что вы имеете в виду? Как это с другой стороны? У нас был важный свидетель. Единственный. Его убили. Он стал жертвой либо предательства, либо ошибки одного из наших людей. Что я должен в этом случае делать? У меня нет информации, способной так заинтересовать возможного предателя, чтобы он подставился. Даже не представляю, что можно придумать.

– Сейчас объясню. Вы заикнулись на убийстве Труфилова, единственного свидетеля. Это естественно. Но попробуйте пойти в своих размышлениях дальше. Допустим, что Труфилова не убили.

– Но его убили. И все это знают.

– Я сказал «допустим». Итак, он остался жив и вылетел в Берлин для дачи показаний в суде. Правильно?

– Он мертв. И это всем известно.

– Совершенно верно. Но зачем Труфилов летел в Берлин? Чтобы своими показаниями подтвердить виновность Евгения Чиряева, уголовного авторитета по кличке Истребитель. Вы обратились к немецкому правосудию с просьбой о выдаче Чиряева.

– И они нам его не выдадут, – вздохнул Романенко.

– Пойдем дальше, – продолжал Дронго. – Подумайте, зачем вам нужен Чиряев? Только для того, чтобы посадить его в российскую тюрьму? Нет, конечно. Чиряев вам нужен как свидетель по делу Рашида Ахметова, чтобы в конце концов распутать весь этот клубок. От Труфилова цепочка потянулась бы к Чиряеву и арестованному Ахметову. Верно?

– Верно, – кивнул Всеволод Борисович, – мы расследуем это дело уже целый год. Через Ахметова можно выйти на остальных. Но он молчит и без свидетельских показаний Чиряева не заговорит. Тем более у Ахметова такой адвокат, как Давид Самуилович.

– Теперь мы подходим к моему предложению, – сказал Дронго. – Взгляните на цепочку с другой стороны. Забудьте о Труфилове и Чиряеве. И даже о берлинском суде. Предположим, что Ахметов согласился давать показания.

– Что? – Романенко даже привстал с дивана. – Как это согласился?

– Вот видите. Само предположение о таком исходе повергло вас в шок. Теперь представьте, как всполошатся те, кто организовал убийство Труфилова. Такая информация способна поразить любого. А мы еще можем добавить, что он согласился давать показания даже без адвоката. Учитывая, что Давид Самуилович запретил ему говорить, вообразите, как заинтересует подобная информация противоположную сторону. Нам останется только вычислить время появления адвоката в вашем кабинете. И соответственно, выявить предателя.

– Потрясающе, – прошептал Всеволод Борисович, – мне такое и в голову не могло прийти. Конечно, сам Ахметов может дать показания. И конечно, они важнее всех показаний на свете. И погибшего Труфилова, и сидящего в немецкой тюрьме Чиряева. Подобная информация заставит хозяев Ахметова забыть об осторожности. Неужели вы придумали это прямо сейчас?

– Вчера я еще не знал об убийстве Труфилова, – пошутил Дронго. – Теперь надо передать эту информацию всем пятерым и предупредить каждого, что информация сугубо секретная. Желательно, чтобы Гарибян и Савин не общались сегодня, тогда они не смогут обменяться информацией. Вы сможете сообщить новость так, чтобы они ничего не заподозрили?

– Думаю, да. Только с Роговым будут проблемы. Он не поймет, зачем я передаю ему эту информацию. А четверым могу сказать прямо сейчас.

– Тогда оставим Рогова на завтра. Уже третий час дня. А им еще нужно переварить информацию. Вам надо поехать в тюрьму и побыть там от семи до десяти вечера.

– По вечерам допросы запрещены, – вставил Романенко, – все четверо это хорошо знают.

– Вы скажете им, что Ахметов сам попросил о встрече. Вызовете его для беседы и постараетесь задержать часа на три.

– Говорю же вам, вечером допросы запрещены. А без адвоката он вообще со мной говорить не станет.

– Кто вам велит его допрашивать. Излагайте ему роман «Войну и мир». Или пересказывайте мексиканские сериалы.

– Я их не смотрю, – улыбнулся Романенко.

– Говорите о чем угодно. О поэзии, о литературе, о нефтедобыче. Но три часа вы должны там пробыть. С семи до десяти вечера. Одному из ваших сотрудников скажете, что допрос назначен на семь, другому – на восемь, третьему на девять, четвертому на десять. Если это ничего не прояснит, утром проверим Рогова.

– Попытаюсь, – кивнул Романенко, взглянув на часы. – Значит, по времени, в которое появится адвокат Бергман, я смогу вычислить предателя.

– Точно, – сказал Дронго. – Вы правильно поняли. Убийцу в тюрьму не пошлют. Так только в итальянских сериалах бывает. Наш киллер в российскую тюрьму не сунется. Тем более с оружием. Побойтесь. Убрать Ахметова до того, как он начнет давать показания, они не успеют. Значит, пошлют Бергмана. Если один из вашей четверки окажется предателем – Савин, Гарибьян, Сиренко, Лукин, вам останется только зафиксировать, в котором часу появился Давид Самуилович. Вот, собственно, и весь мой план.

Наступило молчание. Всеволод Борисович погрузился в раздумья. Дронго терпеливо ждал. Прошло несколько минут, прежде чем Романенко поднялся с тяжелым вздохом.

– Ладно, – сказал он мрачно, – попробуем.

И он пошел к входной двери. Уже надевая плащ, вдруг сказал Дронго:

– Знаете, что страшнее всего?

– Знаю, – печально ответил Дронго, – вы опасаетесь, что мой план сработает и Бергман появится в тюрьме. Вы этого хотите, но боитесь. Тяжело разочаровываться в людях. Вы слишком порядочный, Всеволод Борисович.

– Вы правы, – вздохнул Романенко, – я действительно боюсь появления Бергмана. Это подорвет мою веру в людей, в которых я ни разу не усомнился. Обидно! До свидания, Дронго. Сегодня вечером буду вам звонить. Каждые полчаса.

Москва. 10 мая

Павлик говорил тихим и хриплым голосом. Фанилин слушал его, не веря собственным ушам. Впервые в жизни ему предлагали встретиться с женщиной, заплатив за это столь впечатляющую сумму.

– Вы хотите, чтобы я встретился с Марой? – переспросил он, не переставая удивляться.

– Хочу, – кивнул Павлик, – и непременно сегодня.

– И вы согласны заплатить за это пять тысяч долларов?

– Не веришь, – усмехнулся Павлик, доставая из кармана деньги, – вот твои баксы, – он бросил купюры на колени Фанилину. Тот растерянно взял их, все правильно. Пятьдесят купюр по сто долларов. И непонятно за что.

– Это опасно, – прошептал Фанилин, – меня предупреждали, чтобы я близко не подходил к ней.

– С такими деньгами уедешь куда-нибудь отдыхать, а потом все забудется. И учти, тебе надо встретиться с ней только раз, и непременно сегодня, на квартире, которую мы укажем.

Фанилин задумался. Деньги давили на сознание. Они были очень кстати. В конце концов, Егор встречался с Марой задолго до появления Истребителя. С другой стороны, если Чиряев узнает... Он облизнул губы, снова взглянул на деньги. Если узнает, на этот раз ему могут разбить лицо. Могут даже убить. Хотя, по большому счету, он ничего особенного не сделал. Встретился с женщиной, которую не видел несколько лет. Ну и что? Размышляя, он судорожно сжимал в руке драгоценную пачку.

– Чиряева нет в городе, – вдруг сказал Павлик, словно угадав его мысли. – Он сидит в берлинской тюрьме. И еще долго будет сидеть. Сгорел наш Истребитель. Слишком высоко залетел.

Фанилин слышал об аресте Истребителя, знал, что он в берлинской тюрьме. Пять тысяч долларов. Пять тысяч...

– Это очень опасно, – пробормотал он, – тем более на вашей квартире. Нужно немного добавить...

Павлик посмотрел на него с презрением. Достал из кармана еще тысячу долларов.

– Вот тебе. А попросишь еще, добавлю по шее.

– Нет, – сказал Фанилин, хватая деньги, – нет, нет. Я согласен. Я согласен. Где ваша квартира?

– Адрес я тебе дам. Можешь не беспокоиться, квартира хорошая, четырехкомнатная, кровать большая, широкая. – Ты приведешь туда женщину, переспишь с ней, желательно в различных позах. Вот и все.

– У вас там небось камеры, – догадался Фанилин.

– Не твое собачье дело, – ласково ответил Павлик, – а будешь задавать много вопросов, я деньги у тебя отниму и из машины выброшу. Найду другого кобеля. На такую бабу много охотников.

– Не нужно, – торопливо сказал Фанилин, – я согласен, я на все согласен.

– Сегодня в четыре часа она поедет в парикмахерскую, – сообщил Павлик, – по дороге у нее спустит колесо. Ты ее вроде бы случайно встретишь, поможешь.

– У нее есть водитель. Человек Чиряева, – торопливо проговорил Фанилин.

– Водителя сегодня не будет, – ответил Павлик, – в парикмахерскую она обычно ездит на своей машине. Кажется, белый «Ауди».

– Разве? – удивился Егор. – Раньше был «Ситроен».

– Растет благосостояние трудящихся, – процитировал Павлик расхожую фразу из недавнего прошлого, – она поедет одна, и ты должен с ней встретиться. Можешь пригласить ее в

ресторан. Счет я тебе оплачу. Но учти, потом вы должны поехать на квартиру. Уговаривай ее всеми способами. Хоть жениться пообещай. Но обязательно затащи в постель. Ты меня понял?

– Подождите, – Фанилин задумался. Как у большинства альфонсов, у него неплохо была развита фантазия. Не так-то просто завоевать женщину, которой собираешься сесть на шею. Для этого нужен особый подход. И Фанилин сказал:

– Мне понадобится молодой мужчина.

– Зачем он тебе? – нахмурился Павлик. – Группового секса не нужно. Это исключено. Только ты и она.

– Разумеется, – усмехнулся Фанилин. По части женщин он был мастак. – В ресторан нас должны отвезти и оттуда привезти на квартиру. Пусть она видит, что у меня есть личный водитель. Именно он и поменяет ей колесо. Мне важно выиграть время, пока он будет возиться с машиной. Вы меня понимаете?

– Ни хрена не понимаю. Зачем тебе это нужно?

– Устрою показательный номер, – пояснил Фанилин. – Такие вещи ее всегда возбуждали. Пр продемонструрую интеллект. У ее бывшего мужа его и в помине не было. Спортсмен есть спортсмен. Голова ему не нужна. А бабы интеллект любят и еще чтобы мужик удачливым был.

– Вот почему она ушла от тебя к Истребителю, – насмешливо произнес Павлик. – У него чего было больше: удачи или интеллекта?

– Ни того, ни другого, – с гордостью заявил Егор, – деньги у него были, несправедным путем нажитые, но женщины часто принимают за настоящий успех наличие денег. А у меня они откуда? Я не ворую.

– Ясно, ясно, – согласился Павлик, – сейчас уже два часа. В четыре ты должен быть на месте. Поменяешь колесо и пригласишь в ресторан.

– Сделаю, – согласился Фанилин, – а если она захочет заехать в парикмахерскую?

– Сегодня ее салон закрыт. Что-нибудь еще?

– Мне нужно переодеться. И последнее: вы можете дать мне на сегодняшний вечер этот «Мерседес»?

– Зачем?

– Хочу произвести впечатление.

– Что это ты все выдумываешь?

– Не выдумываю. Раз у нее машина не в порядке, я могу повезти ее на своей, а водитель пусть возится с колесом. Так удобнее начать разговор.

– Ну ты и сволочь, – с восхищением процедил Павлик, – делай что хочешь.

– И тачка у вас классная. Тысяч семьдесят стоит?

– Сто, – рявкнул Павлик, – хрен с тобой, бери машину. Но смотри, Фанилин, если подведешь, если обманешь, – он схватил Егора за грудки, – я тебе знаю что отрежу? – Он выразительно посмотрел вниз. Фанилин невольно поежился. – Твой главный инструмент, – добавил Павлик, – поэтому без дураков.

– Я все сделаю, – дрогнувшим голосом пообещал Фанилин. Он не стал говорить Павлику, что узнал в нем Чертежника, с которым несколько раз виделся на тусовках. Фанилин рассудил правильно. Очевидно, между двумя бандитскими группировками назревают разборки. Им надо позлить Чиряева, скомпрометировав его женщину. Истребитель ничего не сможет сделать. Он сейчас в немецкой тюрьме, и если Павлик говорит правду, просидит там еще не один год. За это время он забудет всю эту историю. А деньги аргумент весомый, и Егор решил рискнуть.

– Я все сделаю, – повторил он уже более уверенно. – Не сомневайтесь.

Берлин. 10 мая

В камере было чисто, как в хорошей немецкой гостинице. Но Чиряев воспринимал это поначалу как издевательство над заключенными. Особенно поражали постельные принадлежности, о таких узники бывших советских колоний могли только мечтать. В немецкой тюрьме все было по-другому. Предупредительные вежливые надзиратели, заключенные, больше похожие на великовозрастных студентов показательного курса, питание, как на курорте, в общем, условия жизни здесь соответствовали лучшим стандартам западных образцов. И все-таки это была тюрьма. Когда его вели на свидание с адвокатом, он психовал, видя камеры слежения и автоматически открывающиеся двери. Из тюрьмы, буквально наштампованной компьютерной техникой, не очень-то убежишь.

В комнате, куда его привели, адвокат Аркадий Федорович Тумасов читал переведенные на русский язык материалы дела. Адвокат был высокого роста, худощавый, темноволосый. В свои сорок три года Тумасов успел завоевать себе репутацию дотошного жесткого защитника, участвовавшего в нескольких громких делах, по которым проходили уголовные авторитеты. Ко всем прочим достоинствам он неплохо владел немецким, поскольку работал в свое время в инюрколлегии.

Как только конвоир удалился, Чиряев сел напротив адвоката и поинтересовался:

– Как дела?

– Звонили из Москвы, – тихо сообщил Тумасов, – все в порядке.

Чиряев удовлетворенно кивнул. Он не сомневался, что все пройдет нормально. В конце концов, они знали, кому и за что платят. Московские ребята его никогда не подводили. Труфилов не долетел до Берлина.

– Показаний не будет, – твердо сказал Чиряев, – ты говорил, что в этом случае решение суда может измениться.

– Да, – ответил Тумасов, – я уже переговорил со здешними адвокатами. Суд может отказать в иске Москве и выпустить тебя под залог. Ты уже отсидел десять месяцев за неуплату налогов в Австрии и в Германии. А теперь все налоги по твоей недвижимости уплачены.

– Залог большой?

– Большой, – признался Тумасов, – они считают, что у тебя слишком много денег. Залог будет определен с учетом твоей недвижимости.

– Сколько по максимуму? – быстро спросил Чиряев.

– До полумиллиона долларов, – ответил адвокат.

– Ничего страшного, – отмахнулся Чиряев, – заплатим. Я прикажу перевести деньги из американского Сити-банка.

– Могут возникнуть проблемы, – понизив голос, возразил адвокат.

– Какие еще проблемы? – нахмурился Чиряев.

Тумасов написал на листе бумаги «долг» и передал лист Чиряеву. Тот взял бумагу, прочитал и, вскинув голову, гневно воскликнул:

– При чем тут мой...

– Тихо, – перебил его Тумасов, – не нужно нервничать. Это дело не имеет отношения к немецкому правосудию. Кое-кто в Москве недоволен, что тебя давно нет в городе.

– Кто именно?

Тумасов написал на бумаге имя «Георгий». Чиряев прочел и сразу понял, о ком идет речь.

– Сволочь, – он разорвал листок, – ничего не получит. Ни копейки...

Адвокат кивнул на стены. Их разговор могли прослушивать. Но Чиряев гневно отмахнулся.

– Решил показать, кто в городе хозяин. Обрадовались, что я в тюрьме. Доить меня собрались. Как корову.

– Тише, – не выдержал Тумасов, – не так громко. Мы все решим.

– Нечего тут решать, – вскочил со стула Чиряев, – у меня с ними другой разговор будет. Ты только вытащи меня отсюда. Он думает, я забыл девяносто второй год. Как они моих...

– Не говори ничего, – быстро вставил адвокат, – я все помню. Успокойся, сядь. Мы в тюрьме, в немецкой тюрьме. Понимаешь?

– Плевал я на твою тюрьму, – заорал Чиряев, – и вообще на всех наплевал. Он мне угрожать вздумал. Хочет силу свою показать. Сволочь, мразь. – Далее последовал отборнейший мат. Выпустив пар, Чиряев поостыл и опустился на стул.

Тумасов облегченно вздохнул. Иметь дело с таким взрывным клиентом было непросто. Адвокат нервничал, но это окупалось с лихвой. Плата за услуги была достаточно высока. Но выиграть этот процесс было делом его профессиональной чести. Он и так затянулся.

– Послезавтра нужно отбиться от иска российской прокуратуры выдать тебя Москве, – напомнил адвокат, – и если все пройдет нормально, я поставлю вопрос о твоём освобождении под залог.

– Что значит «если все пройдет нормально»? Ты ведь говорил, что главное – это свидетельские показания на суде. Если их у прокуратуры не будет, немецкий суд отклонит их требование. Ты говорил или не говорил?

– Говорил. Но по ходу дела могут появиться еще какие-нибудь факты или показания. Мы пока ничего не знаем.

– Их главным свидетелем был Труфилов, – снова занервничал Чиряев.

Тумасов сокрушенно покачал головой. С Истребителем вечно проблемы.

– Он и сейчас главный свидетель, – сказал адвокат, оглядываясь на дверь, – и если выступит на суде, нам нужно найти контраргументы.

Чиряев усмехнулся. Оба хорошо знали, что Труфилов не выступит. Но их могли прослушивать, а судьи ничего не должны были знать о смерти главного свидетеля, сам этот факт мог вызвать у них подозрения.

– Пусть выступает, – согласился Чиряев, – что еще у них может быть против меня?

– Показания самого Ахметова, если, конечно, он согласится их дать. Думаю, это исключено. Не станет же он давать показания против самого себя.

– Очень хорошо. Что еще?

– Появились некоторые проблемы в Европе, – сообщил Тумасов, – наши друзья в Москве просили передать, что полковник еще до того, как его убрали, месяц назад... организовал экспедицию, правда, с нулевым результатом. Полковник уверял, что ему помешали. И не только известный тебе эксперт.

– Знаю, – скривился Чиряев, – это он нашел Труфилова. Говорят, у него странное имя. Собачья кличка.

– Птичья, – поправил его адвокат.

– Какая разница, – отмахнулся Истребитель. – Это он подложил нам свинью. Помешал нашим ребятам. Из-за него погиб полковник. Позвони в Москву, скажи Толику, что эксперт мне очень не нравится. Так и скажи – не нравится. И вообще, почему они медлят. Ждут, когда он подложит нам вторую свинью?

Тумасов снова кивнул на стены. Чиряев схватил лист бумаги, написал «убить» и передал листок адвокату. Тот лишь развел руками. Передавать подобные поручения через адвоката было верхом идиотизма. Впрочем, Чиряев никогда не отличался рассудительностью. Тумасов густо зачеркнул ручкой написанное слово и сунул листок в карман.

– Проблема не в этом, – сказал он, – наши люди считают, что за Труфиловым охотилась еще одна группа. Они сейчас арестованы в Париже и ждут решения французского суда за убийство троих людей полковника. Ты слышал о Самаре Хашимове?

– Человек хромого Абаскули, – снова вскочил на ноги Чиряев, – конечно, слышал. Они искали Труфилова?

– По всей Европе, – подтвердил адвокат, – но нарвались на Дронго, который их переиграл. И сейчас они во французской тюрьме.

– Зачем им понадобился Труфилов? Чтобы помочь прокурорам? – удивился Чиряев.

– Чтобы шантажировать тебя. Оказать на тебя давление. Вот для чего Труфилова искали по всей Европе.

На этот раз Чиряев не вскочил, только сжал кулаки, задумался. Похоже, адвокат прав. Георгий и хромой Абаскули объединились, чтобы показать ему, кто в городе хозяин. Неужели и остальные их поддержали? Напрасно он уступил в девяносто втором. Напрасно разрешил тогда своим людям после нескольких месяцев войны пойти на мировую с этими наркодельцами. Они убрали четверых его боевиков, а он им все простил. И вот теперь они решили показать ему, кто в городе хозяин. Он тряхнул головой. Нужно выйти отсюда. И тогда они узнают, на что способен Истребитель. Конечно, они будут давить на него, попытаются вернуть свои деньги, считая, что он должен платить за казино. Кажется, три миллиона долларов. Но заплатить значит признать свое полное поражение, пойти на уступки этим черножопым. Кавказцам и азиатам. Нет, такого он не потерпит.

– Слушай, Аркадий, объясни мне подробно, что именно я должен говорить на суде. Сделай все, чтобы я вышел отсюда. Если полмиллиона мало, дадим миллион. А там поглядим, кто из нас круче. Поглядим.

– Слава богу, – обрадовался адвокат, – давно бы так. Сейчас я тебе все объясню.

– Подожди, – жестом остановил его Чиряев, – ты уверен, что в Москве все в порядке?

– Звонил Толик Шпицын, так и сказал: все в порядке.

– Отлично, – удовлетворенно заметил Истребитель, – теперь давай, объясняй. – Он взглянул на адвоката и улыбнулся.

Москва. 10 мая

Если для многих мужчин вождение автомобиля – почти удовольствие, то для большинства женщин это ответственная и сложная работа. Однако возможность поехать куда хочется и возможность побыть одной заставляет женщину садиться за руль. Мара не была исключением. Она не без оснований подозревала, что водитель, приставленный к ней Чиряевым, сообщал Истребителю о каждом ее шаге. А она, по существу, находилась на полном содержании этого уголовного авторитета.

После развода с хоккеистом она некоторое время жила с Егором Фанилиным и только сейчас поняла, что это были счастливейшие дни в ее жизни. Фанилин оказался добрым, покладистым, с очень мягким характером. К тому же неистощимым на выдумки, особенно в постели. Он ни за что не лег бы с женщиной, не почистив зубы или не приняв душ.

Но Фанилин страдал одним существенным недостатком. Был катастрофически беден. Во всяком случае, для той жизни, которую вела Мара Киршентале. И когда появился Чиряев, она за него ухватилась. Он не умел красиво говорить о своих чувствах, зато дарил подарки, от которых кружилась голова и захватывало дух. На Новый год у нее появилась шуба из шиншиллы, мечта любой женщины из цивилизованного мира. Автомобиль «Ауди», кольцо с бриллиантами, суперсовременная стереосистема известной датской фирмы.

Она понимала, что за это придется платить. И когда он остался у нее ночевать, почувствовала разницу между альфонсом-фарцовщиком и своим новым другом. От Чиряева буквально разило табаком. И еще пахло чем-то кислым. Может, потом. Мылся он редко, неохотно, и Мара, как ни старалась, ничего не могла сделать. В постели он был груб, удовлетворив свою похоть, поворачивался к Маре спиной. И тут же забывал о ней. Женщина чувствовала себя оскорбленной.

Иногда в порыве возбуждения он прямо в машине расстегивал ширинку, нисколько не смущаясь присутствием водителя, и требовал близости. В первое время Мару это возмущало, а потом она привыкла, понимая, что переделать его невозможно. К счастью, он не был особенно сексуальным и по несколько дней не трогал Мару. Сказывалось лагерное прошлое, когда длительное воздержание сменялось приступами безумной активности.

Он по-прежнему проявлял неслыханную щедрость, но ему даже в голову не приходило, что женщина тоже хочет получать удовольствие. Мара стала нервной, несколько раз даже пыталась мастурбировать, презирая себя за это.

Вдобавок ко всему он был ревнив, не разрешал ей ни с кем встречаться. И приставил к ней для слежки водителя. В прошлом году он уехал в Германию, и там его посадили. Мара была убеждена, что их отношения кончились. Но водитель на своем «БМВ» по-прежнему приезжал к ней каждое утро, видимо где-то получая зарплату. Ей по-прежнему ежемесячно привозили домой по десять тысяч долларов на мелкие расходы. Создавалось впечатление, что Чиряев в командировке и скоро вернется.

Хозяйка дамского салона, с которой Мара дружила, посоветовала ей завести подругу, с которой можно не только весело проводить время, но и предаваться разного рода сексуальным удовольствиям. Лесбийская любовь получила широкое распространение в Москве и Петербурге, особенно среди жен и любовниц известных бизнесменов.

Девять из десяти новых бизнесменов добывали деньги нечестными путями – обманывали партнеров, присваивали государственные деньги, расхищали государственное имущество, обворовывали клиентов, убивали конкурентов и соперников. У любого из оказавшихся на вершине успеха руки были по локоть в крови. Разумеется, все они нуждались в усиленной охране, так же, как их близкие. Завести в сложившейся ситуации друга или любовника было небезопасно. Любой бизнесмен не остановился бы ни перед чем, чтобы отомстить за поруган-

ную честь. А рисковать жизнью и своим положением женщинам не хотелось. Вот почему многие из них заводили себе подругу и занимались лесбийской любовью, что вполне устраивало их мужей и любовников. Как правило, они ревновали только к мужчинам. Почти все, преуспевшие в бизнесе, придерживались традиционной сексуальной ориентации, за исключением ведущих дизайнеров, визажистов, людей творческого труда. Бывало, что и бизнесмены становились бисексуалами, чаще от переизбытка секса, чем от его недостатка.

Но Мара, еще не забывшая Фанилина, ничего подобного даже представить себе не могла. Однако одиночество тяготило. После ареста Чиряева у нее было несколько встреч. Мужчины попадались семейные и солидные, на длительную связь с такой «дорогой» женщиной, как Мара, не шли: не было ни желания, ни возможностей, особенно после августовского финансового кризиса.

Утром она позвонила в косметический салон и попросила записать ее на четыре часа. Взяла машину со стоянки в половине четвертого, вырулила на проспект и загрустила: грядущим вечером ей ничего, кроме скуки, не светило, впрочем, как и в прошлые вечера. Ее пригласили на вернисаж, где обычно собираются феминистки. Идти не хотелось, но не сидеть же дома одной.

Свернув направо, заметила, что ей сигналит водитель «Волги». Проезжая мимо, он показал на колесо. Она проехала еще немного, прижалась к тротуару и вылезла. Сразу увидела спущенное колесо. Нужно менять. Но она не умеет. Мара беспомощно огляделась. Придется останавливать такси, заплатить водителю, чтобы помог. Мара шагнула в сторону движущегося потока машин, и тут рядом затормозил «шестисотый» «Мерседес». Она даже не повернула головы. Водитель такого автомобиля вряд ли станет ей помогать. Но машина подъехала ближе, затормозила, дверца открылась, и показалось знакомое лицо... Егор Фанилин.

От неожиданности она потеряла дар речи. Он подошел и с улыбкой спросил:

– Как дела, Мара?

– Ой, как хорошо, что я тебя встретила! – Она чмокнула его в щеку. Он по-прежнему был элегантен, чисто выбрит, благоухал дорогим парфюмом.

– Здравствуй! – Он тоже поцеловал ее и оглядел с ног до головы. – Выглядишь потрясающе.

Сердце радостно забилося. Если мужчина встречается женщину, общение с которой раньше доставляло ему удовольствие, то он может подумать о повторной встрече только в том случае, если нет нового объекта, доставляющего еще большее удовольствие. Или совмещая встречу со старой и новой подругой. Если женщина встречается своего старого знакомого, то она предпочитает не сравнивать лучшего с худшим, а встречаться только с лучшим.

– У тебя спустило колесо, – сказал он. – Интересно, ты так и выехала из гаража?

– Машина была на стоянке, – призналась она. За эти годы он нисколько не изменился. Появились некая уверенность в себе и непривычный лоск. Судя по «Мерседесу», дела у Фанилина шли достаточно хорошо.

– Ты куда ехала? – спросил он, все еще разглядывая машину.

– В дамский салон. – Она взглянула на часы. – Уже опаздываю.

– Могу подвезти, – предложил Фанилин.

– А моя машина?

– Подъедет к салону. Ты адрес скажи. Мой водитель колесо сменит. Он в машине рядом со мной сидит. Просто мне иногда самому хочется порулить. «Мерседес» – прекрасная игрушка для взрослых.

– Да, конечно. – Она радовалась, что у него все хорошо. Радовалась неожиданной встрече. Жаль только, волосы у нее не уложены. Она ведь в салон ехала, делать прическу. Впрочем, Фанилин больше смотрел на машину, чем на нее. И это задело Мару. Он как будто и не радовался встрече.

– Саня, иди сюда! – позвал Фанилин сидевшего в салоне «мерса» молодого парня. – Поменяй колесо и подай машину к салону. – Парень кивнул. Мара сказала адрес и, пройдя к «Мерседесу», устроилась на переднем сиденье, поближе к Фанилину.

Фанилин, сказав еще несколько слов водителю, тоже залез в «Мерседес», сел за руль, и машина тронулась с места. Мара то и дело поглядывала на Егора. Он возмужал, лицо стало округлым. Но он все равно ей нравился. Фанилин чувствовал на себе ее взгляд, хотя смотрел на дорогу. Пока все шло так, как было задумано.

– Нашел приличную работу?

Егор кивнул:

– Я возглавляю одну известную фирму.

– Дела идут неплохо? – улыбнулась Мара. – Машина у тебя классная.

– Ничего особенного, сто пятьдесят штук заплатил, – соврал он, не моргнув, все еще не поворачивая головы.

– Я вижу, – счастливым голосом произнесла Мара, – ты совсем не изменился. Какой у тебя парфюм?

– Это новый запах. От «Тьерри Мюглера». Нравится?

– Мне всегда нравились твои парфюмы. Разве не помнишь?

– Конечно, помню, – он притормозил перед светофором и наконец посмотрел на нее. – Ты тоже отлично выглядишь, я тебе это сразу сказал, как только увидел.

– Постарела, – притворно вздохнула Мара.

– Ничего не постарела, – улыбнулся Фанилин, – совсем не изменилась. Ни капельки. Помнишь, как мы кувыркались в Риге? Нам потом сказали, что внизу свалилась люстра.

– Помню, – засмеялась она. – Было так весело!

– Ты когда освободишься? – спросил он. В это время на светофоре загорелся зеленый свет.

– Часа через три, – чуть дрогнувшим голосом ответила она, – а почему ты спрашиваешь?

– Может, сходим куда-нибудь, поужинаем.

– У меня вечером важное свидание, – как-то неуверенно сказала она.

Это не ускользнуло от Фанилина, опытного сердцееда.

– Жаль, – вздохнул он, – такая неожиданная встреча. Может, не пойдешь в свой салон?

– Не могу. Уже опаздываю, – почти жалобно произнесла она, надеясь, что он будет настаивать.

– Жаль, – повторил он, подъезжая к салону, – всего тебе хорошего, Мара.

Она была немного удивлена и даже расстроена, что он так легко согласился с ее доводами, отпуская ее. С другой стороны, наверно, так было лучше для всех. Если они появятся где-нибудь вместе, Чиряеву наверняка доложат даже в тюрьму.

– До свидания, – печально сказала она, уже пытаясь выйти из салона автомобиля.

Он нежно погладил ее пальцы, потом с улыбкой поцеловал руку. Сердце забилося сильнее. Уже опасаясь себя, она буквально выдернула руку и, хлопнув дверцей чуть сильнее, чем требовалось, крикнула на ходу:

– До свидания.

Машина не отъехала, когда она подошла к салону. Табличка на дверях «закрыто» ее удивила. Она подергала дверь. Появилась знакомая массажистка.

– Не работаем, – крикнула она Маре, – ревизия началась.

– Я записана, – сказала Мара.

– Понимаю, но у нас закрыто.

Мара оглянулась. «Мерседес» все еще стоял на месте. Может, это судьба? Она пошла к машине. Он смотрел, как она приближалась. Открыла дверцу, наклонилась к нему:

– Салон не работает, в моем распоряжении три часа. В какой ресторан поедем?

– Садись, – улыбнулся Фанилин, – это мы с тобой по дороге решим. Водителю скажу, чтобы пригнал машину прямо к ресторану. Договорились?

Ей нравился этот мужчина, и его запах, и его чарующая улыбка, и его роскошная машина. Мысль о Чиряеве заставила ее поморщиться. Ну что особенного, если она пообедает со своим знакомым?

– Согласна, – ответила она, – делай как знаешь.

Москва. 10 мая

Дронго отправился в Онкологический центр, где на следующий день должны были прооперировать Эдгара Вейдеманиса, отставного подполковника Первого главного управления КГБ СССР, отправленного на поиски Труфилова. Вейдеманис, по существу, оказался заложником тех, кто не желал возвращения Труфилова в Москву. За подполковником следовала целая группа профессиональных убийц, охотившихся за Труфиловым. Но благодаря Дронго одних убийц арестовали, другие погибли, Труфилова доставили в Москву, а Вейдеманис попал в больницу.

Ни для кого не было секретом, что Вейдеманис тяжело болен. Именно поэтому он и согласился сыграть роль идеальной мишени, когда отправлялся на поиски Труфилова, зная заранее, что его уберут, как только поиски увенчаются успехом. По заключению врачей, левое легкое фактически уже отказало, и только срочная операция могла дать призрачные шансы на жизнь. Операция была назначена на одиннадцатое мая. Десятого в пять часов вечера Дронго поехал на Каширское шоссе в дом страданий и боли, именуемый Онкологическим центром.

Само общение с больными и врачами повергало каждого, попавшего сюда, в шок. Вся атмосфера этого заведения была пропитана отчаянием и страхом. Согласно статистике, не все умирали от рака, некоторые выживали, и число умерших от сердечно-сосудистых заболеваний значительно превышало число погибающих от злокачественных опухолей. Но сама эта болезнь таила в себе нечто зловещее, непонятное, загадочное, пугала своей непредсказуемостью и обреченностью.

Вейдеманис лежал в отдельной палате. По настоянию Романенко у палаты постоянно дежурил сотрудник милиции. Больного уже готовили к операции, и после пяти часов вечера все посещения были отменены. Когда Дронго приехал, дежуривший сотрудник милиции сообщил, что у Вейдеманиса посетители. Пожилая женщина с девушкой. Это были мать и дочь больного. Они приехали сегодня из Витебска, где скрывались целый месяц. Приехали, чтобы увидеть родного человека, возможно, в последний раз.

Вейдеманис улыбнулся. Глаза матери были полны боли, и Дронго, не в силах смотреть на нее, отвернулся. Мать, стоящая у постели умирающего сына. Что может быть страшнее? У девушки взгляд был строгий, настороженный и немного испуганный. Совсем еще юная, она многое пережила. Девушку похитили месяц назад, пытаясь шантажировать ее отца, и только Дронго удалось найти выход из этой запутанной ситуации.

Несмотря на свои шестнадцать лет, она была уже вполне сформировавшейся девушкой. Высокая, с овальным лицом и прозрачной кожей, красивыми большими глазами и тем скорбным взрослым взглядом, какой бывает у ребенка, выросшего без матери. Илзе, так звали девушку, дружески кивнула Дронго. Она знала, что он спас и ее, и отца. Вейдеманис не хотел тратить последние деньги на лечение, но Дронго настоял на операции и оплатил ее.

– Спасибо, что пришел, – сказал Эдгар, с трудом протянув Дронго руку, которую тот осторожно пожал.

Дронго пододвинул к кровати стул и сел, улыбаясь, всем своим видом демонстрируя оптимизм, чтобы хоть немного приободрить мать и дочь.

– Завтра операция, – выдохнул Эдгар.

– Не надо об этом, – попросил Дронго, – лежи спокойно. Иначе твоя мама выгонит меня и будет права.

– Вас не выгоню, – сказала женщина. Она говорила по-русски с едва уловимым акцентом в отличие от Илзе, которая училась в русской школе.

– Надеюсь, – улыбнулся Дронго, – мы еще погуляем на свадьбе Илзе.

– Непременно, – тихо сказал Вейдеманис, – они знают, что ты для нас сделал.

– Ничего особенного, – возразил Дронго, – только приехал вместе с тобой в Москву и уговорил согласиться на операцию. Вот и все. Остальное сделал ты сам.

– Они знают, что ты сделал, – с трудом повторил он, – знают, что ты спас Илзе, что помог мне... – он закашлялся. Дронго покачал головой. «Он совсем слаб, а я его утомляю», – подумал Дронго. Пора уходить.

– Мама, вы можете оставить нас одних? На минутку, – неожиданно попросил Эдгар.

– Разумеется. – Бросив взгляд на сына, мать взяла за руку внучку, и они вышли из палаты. Вейдеманис взглянул на Дронго.

– Спасибо тебе, – произнес он, закрыв глаза, – ты подарил нашей семье надежду.

– Друг мой, – с заметным волнением ответил Дронго, – мы с тобой больше чем братья. У нас столько общего. Мы потеряли страну, в которую верили, которую полюбили. Потеряли друзей, которые нас предали. Потеряли любимых женщин. Мы с тобой одинаковые, Эдгар. Может, тебе повезло больше. Ты заболел, и твоя боль выплеснулась наружу. А моя сидит где-то глубоко внутри. Для своих стран мы почти предатели, для России всего лишь представители этих стран, непонятно зачем очутившиеся в Москве. Мы повсюду чужие, Эдгар, и нашей Атлантиды давно не существует. Мы последние из атлантов и должны помогать друг другу.

– Ты не умеешь утешать, – усмехнулся Вейдеманис, открыв глаза.

– Не умею, – кивнул Дронго, – знаю, ты неверующий. Но если Бог все-таки существует, надеюсь, завтра он спасет тебя. В награду за все твои мучения. За все страдания, Эдгар. Уверен, существует некая мировая гармония. И когда зло достигает предела, приходит добро. Иначе мир перевернулся бы.

– Спасибо тебе за Илзе, и вот о чем хочу тебя попросить... Если со мной что-нибудь случится, не оставляй их. Они совсем одни. В Риге живет моя сестра. Если они захотят туда перебраться, помоги им. У нас сейчас две квартиры в Москве, одну я недавно купил на последние деньги, там пока даже мебели нет. За две квартиры можно получить солидную сумму... Помоги им.

– Обещаю. – У Дронго задрожали губы, и он отвернулся.

– Спасибо. Ты удивительный человек, Дронго, никогда в жизни не встречал такого, и не потому, что ты мыслишь как хороший компьютер. В тебе есть качества, которые я всегда ценил в людях. Цельность, вера в себя, вера в свои идеалы. Ты один из немногих, кто не оплевывает свое прошлое... Может быть, поэтому...

– Тебе нельзя много разговаривать, – сказал Дронго.

– Можно, мне сейчас все можно, – махнул рукой Вейдеманис, – если завтра все пройдет хорошо, я буду жить. Если нет, значит, так мне суждено.

– Я позабочусь о твоих близких, – пообещал Дронго, – можешь не беспокоиться. Все будет хорошо.

– И еще, – выдохнул Вейдеманис, – насчет Кочиевского. Он очень сложный человек. Мстительный, злопамятный. Он может им навредить.

– Уже не может, – сказал Дронго, – когда мы привезли Труфилова в Москву, а тебя положили в больницу, он покончил с собой. Сгорел на собственной даче. Три недели назад состоялись похороны.

– Тогда все в порядке, – Вейдеманис снова закрыл глаза. – Но его люди не успокоятся. Берегите Труфилова.

– Мы все сделаем, – мрачно пообещал Дронго, не решившийся сказать правду.

– Илзе хорошая девочка, – пробормотал Вейдеманис, – ей будет трудно вернуться в Ригу. Помоги им. Я знаю, что прошу слишком много, но доверить ее могу только тебе. Только тебе.

Дронго поднялся, посмотрел Вейдеманису в глаза. Взял его за руку. Рука была невесомой.

– Все будет нормально, – твердо сказал он, – что бы ни случилось, можешь не беспокоиться.

– Я часто размышлял о жизни, – сказал Эдгар. – Зачем мы приходим в этот мир? Каково наше предназначение? Что заложил в каждого из нас Создатель, если он существует? Ни на один из этих вопросов я не находил ответа.

Дронго хотел прервать затянувшийся разговор, но Вейдеманис жестом остановил его.

– Теперь я знаю – жизнь и есть высший дар Создателя. Только мы не заслужили его и принимаем как должное вместо того, чтобы совершить что-то великое, достойное. Даже не думаем об этом. А думать нужно.

Он помолчал и продолжил:

– У меня никогда не было брата, отца я потерял, когда был совсем молодым. Мне иногда кажется, что ты мой младший брат. Или же старший, хотя ты моложе меня на десять лет.

Он перевел дух.

– Будь осторожен, Дронго. За Труфиловым охотились не зря... Дело это не совсем обычное. За ним стоят очень серьезные люди. Ты даже не подозреваешь, кто именно.

– Мы не сдадимся, – пообещал Дронго, – можешь не сомневаться.

– Я и не сомневаюсь, ты скорее погибнешь, чем сдашься. Может быть, именно за это я тебя и люблю. Прощай. И ничего не говори моим.

– До свидания, – Дронго поцеловал Вейдеманиса и, не оглядываясь, вышел из палаты. У женщин, дожидавшихся в коридоре, были тревожные, напряженные лица. В глазах – отчаяние.

– Спасибо вам за все, – сказала мать Вейдеманиса, – сын говорил, что это вы спасли его. И нашу Илзе тоже. Я буду за вас молиться. За вас и за Эдгара, – голос у нее дрогнул.

Она протянула Дронго маленький крестик с цепочкой.

– Я знаю, вы не христианин, – ей трудно было говорить, – но Бог у всех один. Возможно, вы неверующий, как мой Эдгар. Но он просил меня передать вам этот крестик. Это реликвия нашей семьи, ему сто с лишним лет. Примите его.

Дронго посмотрел на ее дрожащую руку, перевел взгляд на печальное лицо девушки, взял крест и опустил в карман.

– Благослови вас Господь, – тихо произнесла старая женщина.

– Где вы будете ночевать? – спросил Дронго.

– У себя дома, – ответила мать Эдгара.

– Нет, – решительно заявил Дронго, – домой вам нельзя. Поедьте ко мне. У моего дома постоянно дежурят сотрудники ФСБ. Вы будете в безопасности. В семь часов, когда ему поставят капельницу, пришлю за вами машину.

– Спасибо, – взволнованно сказала старая женщина.

– Это вам спасибо. За вашего сына, – тихо и тоже взволнованно произнес в ответ Дронго. – Редко встретишь такого мужественного человека.

Москва. 10 мая

Обед затянулся. Сначала они вспоминали разные смешные истории, потом перешли к другим эпизодам своей совместной жизни. Мара даже прослезилась. Егор вел игру тонко, рассчитывая каждое слово, каждый жест. Если бы существовали чемпионаты по альфонсизму и оболыщению женщин, Фанилин был бы на них постоянным фаворитом.

Мара чувствовала себя счастливой. Французское вино сняло напряжение, создав иллюзию свободы, а мягкий убаюкивающий голос Фанилина развеял оставшиеся сомнения. Она больше не вспоминала о намеченном на вечер свидании. Предусмотрительный Фанилин снял отдельный кабинет, и никто их не тревожил, лишь иногда появлялись официанты, предлагая свои услуги.

Они выпили две бутылки вина, съели закуски и горячие блюда. Фанилин не переставая рассказывал ей о своих «успехах». Он не мог не заметить, как сильно она изменилась. Потяжелела фигура, вокруг глаз появились морщинки, наметился второй подбородок. Она все еще была красива, но беспощадное время сделало свое дело. И если для сорокалетнего мужчины жизнь только начиналась, для сорокалетней женщины она уже шла под уклон.

За чашкой кофе он как бы между прочим предложил ей посмотреть его новую квартиру. Она замерла, мучительно размышляя. Фанилин напрягся: полученные деньги надо было отрабатывать. Он почти не сомневался в успехе, но все равно нервничал. Через минуту, показавшуюся ему вечностью, она наконец согласилась.

Он расплатился с официантом, оставив на чай гораздо больше положенного. Это произвело на нее впечатление. Так же, как «Мерседес». Если дела у Фанилина пошли в гору, можно попытаться начать все сначала.

Возможно, остаток жизни Чиряев проведет в тюрьме. Так с какой стати ей ждать его? С этими мыслями она села в его роскошный автомобиль. Она посмотрит квартиру и определит, действительно ли он богат, машина еще ничего не значит. Они подъехали к одному из новых элитных домов, появившихся на Мичуринском проспекте в последние годы. Это уже говорило само за себя. Огромная четырехкомнатная квартира была обставлена дорогой мебелью из самых модных каталогов. Ей соответствовала и техника, телевизоры, магнитофоны, стиральная машина с автоматической сушкой, посудомойка, электроплита, компьютеры, принтер, факс. В общем, все, о чем могла мечтать такая женщина, как Мара.

Откуда ей было знать, что квартира принадлежит не Фанилину, а знакомому Павлика, известному в Москве деятелю арт-бизнеса, знаменитому не только своим талантом, но и многочисленными гомосексуальными связями. На самом деле квартира была пятикомнатной, к спальне примыкала еще одна спальня с потайной дверью, сделанной в виде дверцы шкафа. Оттуда и велось наблюдение за всем домом, в том числе и за первой спальней с огромной кроватью, а также производились съемки ночных оргий.

Хозяин любил устраивать сеансы группового секса. Девочки по вызову были совсем юные, очаровательные и безотказные. Они не знали, что их снимают, а если бы узнали, не возмутились бы, только потребовали дополнительную плату за «гласность». Другьям хозяина нравилось рассматривать себя на пленках и после обильных возлияний комментировать особо пикантные детали.

Камеры и микрофоны были везде: за зеркалами, под люстрами, в глубине шкафов. Любой, попавший в квартиру, мог быть заснят во всех мыслимых и немыслимых позах, начиная от туалета и кончая кухней.

Мару квартира поразила выдержанностью стиля, от причудливо изогнутых светильников до изящных диванов, сочетающих размытые тона Матисса с любимыми цветами Пикассо.

Картины авангардистов усиливали впечатление. Мара была удивлена. Она и не предполагала, что у Фанилина такой изысканный вкус.

Они закружились в вальсе под звуки Шопена и неожиданно оказались в спальне. Мара не особенно сопротивлялась, когда Фанилин быстро и ловко раздел ее.

Он несколько не изменился. Изошренная фантазия, искрометный юмор, нежность и страсть – все осталось при нем. Но Мара почувствовала некоторую его отстраненность, он переигрывал, раньше она такого не замечала.

Быть может, сыграли свою роль неожиданность встречи, долгая разлука, и ему захотелось показать, что он еще сильнее, чем прежде? Он вдруг хватал ее за волосы, швырял из стороны в сторону. Стыдных поз и запретов для них в постели не существовало. Они договорились об этом, еще когда жили вместе. Но в этот вечер он превзошел самого себя, словно работал на публику, сбросил одеяло и заставлял ее принимать самые невероятные позы.

– Странно, – сказала она, – ты сегодня какой-то не такой.

– Это тебе только кажется, – с самым невинным видом произнес Фанилин.

– Раньше ты был мягче, деликатнее. Не понимаю, что с тобой произошло.

Фанилин отвернулся. Видимо, стало стыдно, если вообще ему было знакомо это чувство. Он несколько умерил свой пыл, но по-прежнему сбрасывал одеяло, когда она пыталась натянуть его на себя. Погасить свет он не захотел, несмотря на все ее просьбы. Знала бы Мара, что он отрабатывает полученные деньги. А отработал он их исправно. Сюжеты на любой вкус были сняты и скрытыми камерами, и фотоаппаратами, находившимися за двумя зеркалами, все их вздохи и поцелуи были синхронно записаны и в звуке, и в цвете.

В десятом часу любовный поединок закончился. Счастливая и усталая, она положила голову ему на плечо. Он задержал на ней взгляд, затем посмотрел на часы.

– Мне пора, – вдруг заволновался Егор, – я должен еще заехать к друзьям.

– Разве мы не останемся здесь?

– Нет, как-нибудь в другой раз, извини, Мара, сегодня не могу.

– Понимаю, у тебя важное дело. – Женщинам трудно бывает поверить, что любимый мужчина подлец и лгун. Тем более сразу после свидания. Мужчина обманывает с легкостью. Получив свое, он пытается побыстрее спроводить женщину под любым предлогом или же торопится уйти сам.

– Настолько важное, что ты не можешь остаться? – недоверчиво спросила Мара.

– Не могу, – уже несколько раздраженно ответил он, но, спохватившись, быстро добавил:

– Пойми, в жизни бывают подобные ситуации.

– Конечно, – согласилась она. Ей не хотелось с ним спорить сегодня. Пусть будет все, как он хочет.

Они быстро оделись, и когда вышли на лестничную площадку, он сжал ей руку и прошептал:

– Ты самая красивая, самая обворожительная женщина на свете.

Она улыбнулась. Ей было приятно. Она даже забыла о том, как бесцеремонно он ее выпроводил. Машина Мары уже стояла внизу. Фанилин настоял на том, чтобы за руль сел водитель, а не она. Молчаливый парень перешел из «Мерседеса» в «Ауди», они залезли в салон, и машина плавно тронулась с места.

Было уже поздно, когда они подъехали к дому Мары. Водитель оставил «Ауди» на стоянке, принес ключи. Затем они стали прощаться с Фанилиным. Он запечатлел на ее губах долгий поцелуй, она пожелала ему счастливого вечера, они обменялись телефонами, и Мара скрылась в подъезде.

Слава богу, Мара не видела, что произошло дальше. Фанилин сказал ей, что вместе с водителем вернется домой на такси. Но едва оба свернули за дом, как рядом остановился тот

самый «Мерседес», в котором Фанилин привез сюда Мару. Сейчас в нем сидел Павел-Чертежник, а за рулем водитель, только уже другой.

Фанилин наклонился к машине.

– Все нормально? – усмехнулся он. – Кадры получились хорошие?

– Классные, – без тени улыбки кивнул Павел.

– Я старался, – с гордостью заявил Фанилин. Пропустив его слова мимо ушей, Павлик обратился к водителю, который вез Мару с Егором.

– Санек, расплатись с ним.

– Не нужно, – великодушно ответил Фанилин. – Вы мне и так хорошо заплатили.

– Нет, – быстро заметил Павел, – ты еще не все получил.

Что-то не понравилось Егору в тоне Чертежника. Он резко обернулся и увидел направленный на него пистолет с надетым глушителем. Он даже не успел вскрикнуть – убийца выстрелил. Раз, другой, третий. Фанилин сполз на землю рядом с машиной. Он так и не понял, что с бандитами договариваться нельзя.

– Поехали, – небрежно бросил Павлик, поднимая стекло.

Первый водитель подошел к убитому, пнул ногой, сделал контрольный выстрел в лицо. Тело даже не дернулось. Несчастный был мертв. Водитель бросил пистолет на землю и быстро залез на переднее сиденье.

– Деньги, – напомнил Павлик, – общите этого кретина. Может, у него остались наши баксы. И бросьте тело в канализацию.

Москва. 10 мая

В семь часов вечера Дронго послал машину за матерью и дочерью Эдгара Вейдеманиса. Он перенес постельные принадлежности в библиотеку, предоставив спальню в распоряжение гостей. В его большой четырехкомнатной квартире были еще гостиная и кабинет, но близких друзей он принимал в библиотеке. Девушка выглядела печальной и какой-то настороженной. Глаза покраснели от слез. Дронго не очень-то надеялся на сотрудников ФСБ, хотя наблюдение было круглосуточным. Больше доверял собственной металлической двери, решеткам на окнах и стальным жалюзи, изготовленным по специальному заказу в Германии.

Его квартира представляла своего рода мини-крепость со встроенными системами наблюдения и прослушивания, установленными даже в кабине лифта, который обслуживал дом. В кабинете находились подключенные к Интернету компьютеры, а также ноутбуки, факс, лазерный принтер, ксероксы. Все это помогало ему в работе, сложной и опасной. В то же время, в отличие от большинства людей, для которых Интернет стал своего рода развлечением, Дронго относился к нему равнодушно.

Его интересовали только определенные статьи или конкретная информация, которую можно было найти в Интернете. Он был немного старомоден и отдавал предпочтение книгам. В то же время его поражала сама система Интернет», связавшая людей в разных точках земного шара. Интернет оказался тем связующим звеном, которое было необходимо для единения человечества. И такому общению не могли помешать ни границы, ни суровые запреты диктаторов. Человечество превращалось в одну большую семью, порождая не только глобальные проблемы, но и глобальные связи.

Он отвел женщин в спальню, показал, где ванная. Мать Эдгара чувствовала себя неловко, ей не хотелось доставлять хлопоты хозяйину, и она без конца извинялась.

– Поймите, – тихо сказал Дронго, – Эдгар отправил вас в Витебск, чтобы уберечь от возможных преследований. В Москве они тоже не исключены, и вы не должны без надобности выходить из квартиры. По крайней мере до тех пор, пока не будет сделана операция, в общем, два дня. Поэтому не надо извиняться. Я поступил так, как поступил бы на моем месте ваш сын.

Он ушел к себе в кабинет, а Илзе отправилась в ванную, не единственную в доме – была еще одна, которой теперь пользовался Дронго. В половине восьмого позвонил Всеволод Борисович.

– Мы беседуем, – доложил он, – но пока никого нет.

– Сообщили всем четверым? – осведомился Дронго.

– Всем четверым, – мрачно подтвердил Романенко, – Савину, Гарибяну, Сиренко и Лукину. Уверен, среди моих людей нет предателей. Возможно, утечка произошла из ФСБ.

– Посмотрим, – Дронго понимал, как важно Романенко убедиться в честности своих сотрудников.

– Ахметов, кажется, удивился, что я приехал так поздно и веду ничего не значащий разговор.

– Тяните время, – сказал Дронго. – Откуда вы говорите?

– Из коридора. Взял мобильный у одного из сотрудников. Вообще-то приносить сюда мобильные запрещено, но мне в порядке исключения разрешили. Со мной пять офицеров МВД. Надеюсь, они не нападут на Ахметова. Единственное, чего можно ждать, это появления адвоката подозреваемого.

– Что же, подождем, – сказал Дронго, – дайте мне номер вашего телефона. Буду звонить.

Романенко дал номер телефона и отключил связь. Дронго сел за компьютер, и на дисплее появилось сообщение о том, что с ним хотят связаться. Он сразу догадался, кто его послал, ответил, и вскоре появилась надпись:

– Добрый вечер. Рад снова с вами сотрудничать. Это Зиновий Михайлович.

– Добрый вечер, – ответил Дронго, – надеюсь, мы сработаемся, как и в тот раз. Мне нужна кое-какая информация. Постарайтесь не звонить по моим телефонам. Возможно, они прослушиваются. Общаться будем только по этому каналу.

– Договорились. Итак, что вас интересует? Вы забыли, что я «жаворонок», и по-прежнему работаете в позднее время.

– Не забыл, – ответил Дронго. – Постараюсь сегодня занять вас только до десяти тридцати. Завтра начнем основную работу. Прежде всего мне нужны данные о погибшем несколько недель назад бывшем полковнике ГРУ Олеге Кочиевском, а также о компании, в которой он работал начальником службы безопасности. Все возможные данные о «Роснефтегазе». Состав акционеров, стоимость акций, участие зарубежных компаний, кто сменил Кочиевского на его посту. Отдельно проверьте, нет ли среди акционеров человека с отчеством Иннокентьевич. Возможно, он был связан с Кочиевским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.